

В ПЯТИДЕСЯТЫХ РОЖДЕНЫ...

**ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

**НОВЫЙ КЛЮЧ
Москва
2011**

УДК 821.161.1-1(082)
ББК 84(Рос=Рус)6-5я43
В 11

Редактор-составитель Павел Косяков

В пятидесятых рождены: лир. поэзия современной России / [сост. П. Косяков]. – М.: Новый ключ, 2011. — 248 с. — ISBN 978-5-7082-0320-5

1. Косяков, П., сост.

Данное издание представляет двенадцать поэтов поколения 1950-1960 гг. рождения из различных регионов страны, наиболее ярко, талантливо и последовательно продолжающих есенинско-рубцовские традиции лирической поэзии России.

© Коллектив авторов, 2011
© П.И. Косяков — составитель, 2011
© «Новый ключ», 2011

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ

«В пятидесятых рождены...»

Н. Дмитриев

Осень русской поэзии... Тревожные взмахи её отлетающих стай, под свист, улюлюканье одних, слёзы и мольбу: «Возвращайся!» — других. Но осень это и пора размышлений, раздумий, а в чём-то и покаяний, дающих надежду на возвращение.

В этих заметках речь пойдет о русской лирической поэзии, о поэтах 1950—1960 гг. рождения, на мой взгляд, наиболее ярко и самобытно представивших своё поколение в России. Почему мой выбор пал именно на эту возрастную группу, а не на более старшую или молодую? Дело в том, что поэтическое поколение «детей войны» (1930—1945 гг. рождения), да и тяготеющая к ним плеяда поэтов рождения конца 40-х, в силу литературно-исторических реалий достаточно полно структурировалась в творческом плане. Их поэтическая зрелость пришла на то доперестроечное время (1965—1985 гг.), когда отечественная критика, в силу заведённого порядка, определённым образом отзывалась на поэтическую продукцию, выстраивая свой авторский ранжир, в том числе и по поколенческому принципу. Ярким примером этого может служить вышедшая в 1980 году в Москве книга Вадима Кожинова «Страницы современной лирики», представившая широкой аудитории блестящих мастеров поэтического слова. В силу разных причин (и мне это хорошо известно) некоторые яркие, талантливые поэты поколения «детей войны» были, мягко говоря, почти не за-

мечены столичной критикой. Но это уже к вопросу поэтической судьбы и везения. Что же касается поколения 1960-1970 гг. рождения, то это вопрос ближайшего будущего, я надеюсь. Так как «молодые» в последние два десятилетия входят в поэтическую зрелость явно с опозданием, то риск пропустить молодое дарование — очень невелик.

Прежде чем представить поэтов рождения 50-х годов, следует всё-таки внимательно оглядеть ситуацию, то литературно-духовное пространство, в котором живёт и творит нынешнее поэтическое сословие.

Либерально-демократический мятеж, повлекший распад СССР и как следствие разрушение литературно-писательского и книгоиздательского дела в системе Союза Писателей страны, неизбежно ударил и по самой чуткой и болезненной его составляющей — поэзии. Канули в Лету многотысячные тиражи, гонорары, дома творчества, трудовой статус писателя... Литературно-поэтическое пространство оказалось в одночасье разорвано в клочья. Крайняя автономия невольно перестала доносить до центра отзвуки своей лиры. На глазах рушились поколенческие связи, преемственность и традиции русской поэтической культуры.

Умолчание критики, отсутствие профессионального редакторского сита породило вал графоманской книгопродукции и самиздата. В этом сливном, дурно пахнущем потоке потонуло то истинно ценное и непреходящее на чём зиждется поэтическое слово. Несмотря на изобилие пишущих, уровень поэтического мастерства неуклонно снижается, отторгая немногочисленную, все ещё нуждающуюся в поэзии читательскую аудиторию.

Если добавить ко всему перечисленному изощёрённо-ненавистническую, духовно-безнравственную идеологию правящей элиты государства, становится понятным сколь драматично нынешнее литературное время.

Именно в силу этих сложившихся реалий, поэты, творчески созревшие на перегибе 20-го и 21-го веков и идущие вослед поколению «детей войны», оказались вне поэтического структурирования и вне литературно-критического осмысления, как системы. Образовалась поколенческая брешь в едином национально-культурном поле, что является серьёзной опасностью, так как ведёт к прерыванию традиций, заложенных золотым веком русской поэзии, и к ощущению талантливыми поэтами своей творческой и гражданской не востребоуванности.

Задача автора этого исследования в том, чтобы попытаться встроить выбитое звено в единую структуру поэтической мысли, высветить те немногие имена поэтов-лириков, которые удалось обнаружить в нынешнем океане обезличивания, на их примере дать ориентиры мастерства и мировоззренческой зрелости их ровесникам и тем, кто идёт следом.

Ещё раз подчеркну. По причине разорванности поэтического пространства, отследить всех возможно талантливых, ярких поэтов России обозначенного поколения в сегодняшних условиях практически не представляется возможным. Моя задача обозначить проблему и дать ей толчок к разрешению. Я был бы очень рад, если бы в разных регионах страны вслед за этой публикацией стали выявляться группы (или отдельные имена) поэтов действительно работающих талантливо и самобытно, которых с чистой совестью можно было занести в поэтические скрижали.

Теперь несколько слов о жанровом пристрастии. Поэтическая лирика... Почему именно лирика? Не суживаю ли я тем самым рамки выбора? Не думаю. Лирика, и это общеизвестно, наиболее трудная, но и показательная грань поэзии. К тому же, как поэт и редактор, я тяготею к традиционной форме. Отсюда и выбор. Все формальные стихотворные изыски, по большому счёту, лежат вне русской поэтической традиции, а значит и вне формата данного исследования.

Некоторые мои товарищи по писательскому цеху, справедливо ссылаясь на отсутствие национально значимых поэтов в постперестроечное время, полагают, что эта затея не стоит «выведенного яйца». Не соглашусь с подобным подходом. Снижение уровня мастерства поэтов не повод нарушать общелитературные академические законы. Необходимо прилежно вносить в поэтическую летописную книгу всё, что овеяно подлинным вдохновением и самобытностью. Очень может быть, что последующая плеяда поэтов окажется ещё менее даровита (к этому есть все предпосылки), но и тогда — всё тот же поиск и анализ, во имя сохранения для потомков поэтического биения национальной культуры.

Каждое время (поколение) в истории русской поэзии, подобно линии электропередач, зиждется на своих опорных поэтах. Для советского периода (1917—1990 гг.) ими являлись Блок, Есенин, Пастернак, Ахматова, Заболоцкий, П. Васильев, Маяковский, Смеляков, Прокофьев, Твардовский, Вас. Федоров, Рубцов, Тряпкин, Ю. Кузнецов, В. Устинов, В. Соколов... Возможно, кто-то дополнил бы этот перечень еще несколькими фамилиями, суть не в этом. Все они одно целое в передачи живительного

света, как я надеюсь, в далёкое будущее поэтических просторов.

Справедливости ради следует сказать, что с большим скрипом, но процесс выявления талантов, несмотря на назойливую ухмылку рынка, Союзом писателей России осуществляется. Благодаря творческим поездкам секретарей СП России из Москвы в различные регионы страны, их личным контактам и связям, благодаря профессиональному чутью ряда редакторов литературных газет и журналов и просто рядовым энтузиастам поэтического цеха, оказалось возможным предложить вниманию читателей ниже представленную группу российских поэтов-лириков. С некоторыми из них я какое-то время лично знаком, веду переписку, с другими перезваниваюсь, третьих знаю только по стихам. Конечно, живя в Москве, мне было не столь сложно выйти на поэтов москвичей, но что касается других регионов, только столичные публикации и презентации их новых книг в СП России и ЦДЛ позволили узнать об их творчестве предметно.

Меня всё время не покидает ощущение, что в моём перечне поэтов не хватает кого-то, кто просто обязан там находиться. Я каждодневно слышу его позывные, чувствую биение его строк. Но они, долетая до меня, не оставляют своих координат. И потому «без вины виноватый», из московских переулков, я говорю тебе, мой далёкий желанный поэт с надеждой, что ты меня слышишь: «Ничто подлинное, народное, вдохновенное не уходит в никуда. Рано или поздно, вопреки всему, твой голос будет услышан и озвучен благодарными ценителями русского поэтического слова».

Каждый из представленных авторов этой книги, на мой взгляд, несёт в своём творчестве те обязательные по-

этические достоинства, которые, складываясь воедино, должны олицетворять тот совершенный идеал поэта, который мне хотелось бы видеть, в ожидании явления которого, не один десяток лет с надеждой вздыхает поэтическая общественность и её редакторско-критическая мысль.

В мою задачу не входит застолбить свой перечень имён, навязать его поэтическому сообществу. Повторюсь, задача — в другом: вызвать, реанимировать и даже спровоцировать отечественных критиков, специализирующихся на поэзии, в конце концов, заняться прямым делом, а не обслуживанием своих кланов и тусовок, позволяющих время от времени кормиться из их корыта. Я надеюсь, в первую очередь, на те ещё молодые, не отягощённые знаками отличий и литфондовскими дачами критические силы, которым не безразлично то поруганное поэтическое пространство России, которое как никогда ранее остро нуждается в скорейшем сбережении и восполнении его духовных живительных сил, единственно могущих вернуть ему его былое величие.

Павел Косяков
Москва,
2006—2010 гг.

Михаил АНИЩЕНКО

(Самарская обл.)

Анищенко Михаил Всеволодович родился в 1950 г. в г. Самара. Закончил Литературный институт им. Горького в 1988 г. В 1979 году выпустил свою первую книгу стихов в Самаре «Что за горами», за которую был удостоен премии ЦК ВЛКСМ им. Николая Островского. В 2008 г. вышла книга его избранных стихотворений «Оберег» в г. Москве.

Живёт в селе Шелехметь Самарской обл.

Член СП России.

Михаил Анищенко в хорошем смысле выскочил на поэтические смотрины, подобно «чёрту из табакерки». Спроси ещё вчера любого уважающего себя поэта-консультанта, кто такой Анищенко из Самарской губернии, все только бы и разводили руками. Мелькнул своей первой обещающей книжкой в конце 70-х годов и... пропал почти на тридцать лет. Учитесь «интернет-гении» от псевдопоэзии! Не столичные лит.тусовки и пространное словоблудие на форумах интернета ограничивают и шлифуют будущие алмазы словесности, а мучительное страдальческое единение со своим истошным «я» на последнем пределе человеколюбия в неласковых объятиях душевной распутицы. Да какой тут он Венечка Ерофеев (окститесь, старцы!). Не юродивым вокзальным явился к нам Михаил Анищенко, но иноком грозным и светлым со своим к нам судом по делам нашим.

Поэзия Михаила Анищенко, несмотря на весь её драматизм, чиста и праведна, как сон ребенка. Недаром так угадываемы стилистически его закольцовка с есенинским «Гой, ты, Русь!...», или с рубцовской душевной смутой «Не смотри, не

смотри ты вослед журавлю // Не грусти у ночного порога...»
Поэт продышал, проболел, отбредил голосами, судьбами своих великих предшественников и... заговорил своим целебным голосом. Подкупает в стихах поэта абсолютное отсутствие, какой бы то ни было инструментовки строк и внешнего лоска, как атрибутов «высокого» искусства. Так говорят не на инаугурациях, а целуя крест на смертном одре. Но жив ПОЭТ и жива РОССИЯ.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

На тёмном крыльце, замерзая,
Теряя ко мне интерес,
Ты что-нибудь знаешь, родная,
Про снег, убежавший с небес?

Здесь ночи из чёрного крепа,
И голос прощальный дрожит...
Зачем же он с ясного неба
На тёмную землю бежит?

Прощаясь со мной на пороге,
Скажи, на ладони дыша,
Зачем он лежит на дороге,
Растоптанный, словно душа?

И нет в нём ни злости, ни гнева.
И кто в том, скажи, виноват,
Что снег, убегающий с неба,
Не помнит дороги назад?..

СЕНТЯБРЬ

Тихо-тихо на дворе.
Ни шагов, ни листопада...
Вот и славно! В сентябре
Ничего душе не надо!

Утро. Озеро. Ташла.
Паутинка пролетела...
Слава Богу! Жизнь прошла.
Даже там, где не хотела.

Панихида... Торжество...
Провожая, принимаю...
В жизни вашей ничего
Я теперь не понимаю.

Выхожу во двор. Дышу,
Птичьи стаи провожаю.
Тихо листья ворошу,
Но уже не поджигаю.

Тихо листья ворошу,
Клён мне веткою кивает.
Так живу я. Так дышу.
Что ещё со мной бывает?

Пью водицу, хлеб жую
Да в лесу, где дуб чернёный,
Золотую цепь кую
И пою, как кот учёный!

* * *

Я устал от тоски. Я не сплю.
Я стою у окна. Замерзаю.
Боже мой! Как я мир не люблю,
Как устройство его презираю!

За окошком сбесившийся век
Пожирает родную планету...
И поверить, что я — человек,
Всё труднее бывает к рассвету.

НЕ ЗА ТО...

Не смотри, не смотри ты вослед журавлю,
Не грусти у ночного порога...
Всё равно я тебя больше жизни люблю,
Больше Родины, неба и Бога!

Возле мокрых заборов, соломы и слег
Я люблю тебя тихо и нежно —
Не за то, не за то, что, как дождик и снег,
Ты была на земле неизбежна.

Не за то, что сгорала со мною дотла
И неслышно в сторонке дышала,
А за то, что всё время со мною была
И, как смерть, — мне ни в чём не мешала!

ПРОПАСТЬ

Что за горе с нами, мама,
Что за звёздная парша?
Как кладбищенская яма,
Для тебя — моя душа.

В старом городе уездном,
Дребезжащем, как буфет,
Родила ты, мама, бездну,
Где тебе и места нет.

Мама, мама! Век железный
Режет ниточки в судьбе!
Ты прости... Я был проездом.
Сквозь тебя... И по тебе...

Зря мы мечемся по дому...
Это — месяц золотой
Бьёт и режет по-живому —
Между мною и тобой.

Что за время? Пропадаю
В освящённом Богом зле...
Ничего не понимаю,
Что творится на земле.

В ПОЕЗДЕ

Мне ни чаю, ни водки не надо.
Всё проходит — хмелей не хмелей.
Как поэт, убежавший из ада,
Я печально смотрю на людей.
Они ждут небывалого чуда,
Их волнует ночная езда...
Я не с ними. Я еду оттуда.
А они ещё едут туда.

* * *

Уйти от позднего веселья,
Не взяв копейки про запас,
Просить прощенья в час похмелья,
Когда не ровен каждый час.
Забыв о славе и свободе,
Беснуясь, мучаясь, кляня,
Просить прощенья на исходе
Времён, похожих на меня.
Когда не вывезет кривая
И день уходит в никуда,
Просить прощенья, умирая
От слёз, от боли и стыда.
Просить прощенья зло и строго
За тьму учений и словес,
За ложь, за истину, за Бога,
Сто раз упавшего с небес.
За всё, что рухнуло, свалилось,
Застряло в горле, словно ком,

За всё, за всё, что отразилось
Во мне, как в зеркале кривом.
Просить прощенья глуше, глуше
И всё же чувствовать в тоске,
Что тьма, заполнившая душу,
Всю ночь висит на волоске,
Что по закону искупленья
Уже сливаются, звеня,
И жизнь, и смерть — в одно мгновенье,
Где нет, и не было меня.

* * *

В час, когда светится солнышко,
Маки горят у плетня,
Только и слышу: «Михалушка!
Ты не разлюбишь меня?»
В среду, в четверг, в воскресенье
Между прокуренных стен
Ходит по дому спасение
В платице выше колен.
Ходит родная и светится
Тайной заоблачных сот...
Как же нам выпало встретиться
Между лесов и болот?
Там, где ликующей осени
Рухнули все миражи,
Ты своё платице сбросила,
Словно прошедшую жизнь.
Сбросила платице около,
Между снегов и дождей...

Девочка, женщина! Облако!
Вот моё сердце — владей!
Всё принимаю... Пожалуйста...
Всё — до последнего дня...
Только бы слышать: «Михалушка!
Ты не разлюбишь меня?»

ЭЛЕГИЯ

Надрывается ветер заблудший,
Колобродит всю ночь в камыше.
И чем хуже погода, тем лучше
Почему-то теперь на душе.

Ничего, я с дороги не сбился
И совсем не знаком с ворожкой.
Я в счастливой рубахе родился
И снимал её только с тобой.

А теперь возле дома слепого
Я хожу, словно вор, без огня...
Хорошо, что ты любишь другого,
Как когда-то любила меня.

Хорошо, что без боли и страху
Ты мне машешь рукой на ходу,
Что мою голубую рубаху
Носит пугало в вашем саду.

ГОГОЛЬ

Ты не стой над ним, не трогай,
Не мешай ему скорбеть...
Третий день боится Гоголь
В дали русские смотреть.

На рассвете, на закате,
Наболевший, как нарыв,
Он лежит в постылой хате,
Очи чёрные закрыв.

Тают сроки и зароки.
Бродят возле головы
Олонецкие пророки
И Онежские волхвы.

Головою Гоголь крутит,
Поднимается — как честь...
Показали — всё, что будет,
Всё, что было. Всё, что есть.

Гой ты, Русь! Кресты и свечи,
Глухари да упыри...
Небо падает на плечи:
— Всё, что видел, говори!

Из оврага ли, из лога ль
Наползает дым и тьма...
Ничего не скажет Гоголь.
Промолчит. Сойдёт с ума.

РУСЬ ОТРАЖЁННАЯ

Девясил, подорожник, чабрец,
Золотая трава богородка,
Вы не знаете, где мой отец,
Вы не видели, где его лодка?

Тростники мои, ветер, вода,
Родники, не узнавшие мути,
Вы меня проведите туда,
Где гуляют пропавшие люди.

Я не праведник, нет, не истец,
Не охотник, идущий по следу.
Я такой же пропащий отец,
Как и он, не пришедший к обеду.

Где же ты, скomorox, соловей?
То ли куришь на мокром крылечке,
То ли ходишь с тальянкой своей
По селу, отражённому в речке?

Подорожник, чабрец, девясил —
Всё, что нашего племени-роду,
Проведите меня по Руси,
По великой и канувшей в воду.

Пусть звенит над рекой росинец,
Пусть плывет по течению лодка,
Пусть хранят эту тайну чабрец
И степная трава богородка.

* * *

Люби меня — в мороз, в жару,
Люби меня — за боль, за серость,
За то, что я в тебе умру
Гораздо раньше, чем хотелось.
Люби, когда не надо тел,
Когда имён и лет не надо,
Люби, пока я не успел
Узнать, что выбрался из ада.
Люби мой гнев, мою вражду,
Мои обугленные святцы...
Ведь только я в твоём аду
Хотел бы вечно оставаться!

* * *

Мы Русь ругаем по привычке,
Повсюду грязь и барыши...
Но ехал Чичиков на бричке
В потёмки собственной души.

Нас опоили зельем горьким,
Слепили пыльное клише.
Но дно, увиденное Горьким,
Он видел в собственной душе.

Веками ларчик замыкался,
Но в нём хранили ерунду.
И Данте в душу опускался,
А говорил, что был в аду.

ПОЛОВОДЬЕ

Склоны сопок оползли,
В воду канули деревья.
Пядь за пядью край земли
Приближается к деревне.

Поздно, милый, морщить лоб,
Лодку старую латая.
Это даже не потоп,
Это ненависть святая.

В небе грозно и светло.
Напрочь срезана дорога.
Позабыв про барахло,
Люди вспомнили про Бога.

И сосед мой в небеса
Смотрит грустно, как калека...
За такие вот глаза
Бог и любит человека.

ОБЕРЕГ

Молча лошадь снаряжаю.
— Эй, соседи! Загружай!
— Уезжаешь? — Уезжаю...
Что же, с Богом уезжай.

По засекам-лесосекам,
По календуле в долину

Да по мостикам-калекам
В городскую кабалу.

Мимо треснувшего треста,
По оврагу-падуноу,
Поезжай, моя невеста...
Я кобылу подстегну!

Вейся, вейся, путь бедовый,
Между сосен и берёз!
Пусть летят с копыт подковы
Дальше памяти и слёз!

Разорву туман на части
И, смилив безумный бег,
Подарю тебе на счастье
Свой заветный оберег.

И со всей окольной грустью
По уклону сонных вод
Поплывёт с тобою к устью
Мой последний пароход.

Там у моря-окияна,
На далёкой стороне,
Вспоминай, моя Татьяна,
Несказанный свет в окне.

Вспоминай мои сусеки,
Береги мой оберег.
Глубоки моря и реки,
Но истоки глубже рек!

Гой ты, Русь! Сверчки да совы,
Конопля да лебеда,
Где счастливые подковы
Улетают в никуда!

ШИНЕЛЬ

Когда по родине метель
Неслась, как сивка-бурка,
Я снял с Башмачкина шинель
В потёмках Петербурга.
Была шинелька хороша,
Как раз — и мне, и внукам.
Но начинала в ней душа
Хождение по мукам.
Я вспоминаю с «ох» и «ух»
Ту страшную обновку.
Я зарубил в ней двух старух
И отнял Кистенёвку.
Шинель вела меня во тьму,
В капканы, в паутину.
Я в ней ходил топить Муму
И мучить Катерину.
Я в ней, на радость воронью,
Возил обозы хлеба
И пулей Царскую Семью
Проваживал на небо.
Я в ней любил дрова рубить
И петли вить на шее.
Мне страшно дальше говорить,

Но жить ещё страшнее.
Над прахом вечного огня,
Над скрипом пыльной плахи
Всё больше веруют в меня
Воры и иерархи!
Никто не знает на земле,
Кого когда раздели,
Что это я сижу в Кремле
В украденной шинели.

ПРОЩЕВАЙ

Прощевай, моя опушка,
Прощевай, тропа в бору!
Ухожу... Но, словно Пушкин,
Весь я тоже не умру.

Положил себя, как требу,
Я на камушек лесной...
Журавли летят по небу,
Словно ангелы — за мной.

В час распада и распыла
Грешный мир нам не указ.
Не страшусь... Всё это было
И со мною много раз.

Поклонюсь Борису, Глебу...
И над Родиной святой
Буду гром возить по небу
На телеге золотой!

КАПИТАН

Сыну Максиму

Над землёй стоит туман,
Океан кричит и стонет.
Бог всего лишь капитан
Корабля, который тонет.

Лодки канули во тьму,
Пузыри вокруг и пена.
А когда-то ведь ему
Было море по колено.

Было всё — позор и честь,
Негасимый свет над рубкой.
Но не знал я — кто он есть,
Капитан с погасшей трубкой.

Я не знал, и знать не мог,
И боялся знать от века:
Отчего упавший Бог
Так похож на человека?

Кто он? Чудище? Простак?
Неудача в неудаче?
Почему он хочет так,
А выходит всё иначе?

Мать честная! Плачет Бог,
Он, Отец у стольких зыбок,
И качается у ног
Океан Его ошибок.

РОДИНЕ

Я ступаю по тонкому льду
Над твоею холодной водою.
Только чувствую — эту беду
Не утянешь на дно за собою.

Впереди — беспросветная ночь,
За спиною — полоска разлада.
Дорогая, хорошая! Прочь!
Ничего от тебя мне не надо!

Я прощаюсь с твоей красотой,
С незадачей твоей избяною...
Я не знаю, что стало с тобой,
Ты не знаешь, что будет со мною.

Мне теперь, что назад, что вперёд,
Спотыкаться, скользить и кружиться...
Но на веру твою, как на лёд,
Я уже не могу положиться.

Оглянусь — ты стоишь у плетня,
Ожидая, что всё-таки струшу...
И жалеешь, и любишь меня,
Как свою уходящую душу.

ДОМОЙ

У белой рощи, у излуки
Поверить всё-таки хочу,
Что у меня замёрзнут руки
И я от боли закричу.
Увижу дом родной и сени,
Где запах трав лесных живёт,
Где мама встретит и разденет
И руки снегом ототрёт.
Мы тихо едем вдоль излуки,
Вознице жалко гнать коня.
А у меня не мерзнут руки,
Как будто нет их у меня.
Долина. Рощица. В просеку
Уныло розвальни ползут...
По снегу русскому, по снегу
Меня, убитого, везут.
Дымит махоркою возница,
А я лежу без сигарет,
И надо мной летит синица,
Которой тоже больше нет.
И все мы движемся к развязке
Меж двух больших застывших рек,
И на густой загар афганский
Ложится чистый русский снег.

* * *

Концы с концами не сведу.
Темна последняя тетрадка.
И я, любимая уйду,
Сгорю, растаю без остатка.
И я, любимая, уйду
Туда, где смерти не боятся.
И ты, как ласточка в аду,
Начнёшь над памятью метаться.
Но там, где муки, тлен и плен,
Ты будешь вечною женою...
Скажи, мой миленький, зачем
Ты не забрал меня с собою?
Скажу: «Любимая, живи,
Топчи заветную дорогу!
От нашей веры и любви
Теплее Родине и Богу.
Живи в остуде и бреду,
Во сне живи и круговерти,
Живи, как ласточка в аду
И как зачатъе после смерти!»

ПУСКАЙ!

Забудь слова, приметы, лица
И, счёты с миром не сводя,
Попробуй взять и раствориться
В холодных капельках дождя.
Попробуй тихо, неумело
Войти в деревья и ветра.

Пусть без тебя побудет тело
На мокрой лавке до утра.
Пускай тебе легко летится
Над беспризорною судьбой,
Пускай сверчки, цветы и птицы
Легко становятся тобой.
Лети божественным созданием,
Позёмкой лунною пыля,
Когда одним твоим дыханием
Согреты небо и земля.
И пусть, как ниточка порвётся
Нездешней жизни волшебство...
Но в тело грешное вернётся
Не то, что вышло из него.
Отныне в нём легко и строго
Огонь божественный горит.
Плывёт туман. Пылит дорога.
Звезда с звездой говорит.

* * *

Смотри, как светятся дороги
Сияет лик березняков!
По всей земле единороги
Бегут, как тени облаков!

Моя печаль неутолима,
Она бессмертна, как лоза.
Но на лице Ерусалима
Сияют русские глаза.

Заря — открытая, как рана, —
Стирает морок и туман.
Я вижу, как река Самара
Впадает в реку Иордан.

И, забывая все обиды,
В пространстве веры и мечты,
Цветут сады Семирамиды
От Назарета до Москвы.

Там Русь, как небо, величава,
Стихи таятся в бересте...
Там наша боль и наша слава
Не умирают на кресте.

Мы вспомним все тысячелетья,
Переберём за часом час.
И тайна нашего бессмертья
Опять откроется для нас.

Родятся новые дороги
Среди святых березняков,
И побегут единороги,
Как тени белых облаков!

Владислав АРТЁМОВ

(Москва)

Артёмов Владислав Владимирович родился в мае 1954 г. в селе Лысуха Березинского р-на Минской обл. (Белоруссия). До восьмого класса воспитывался в школе-интернате. Учился 1,5 года в техникуме, бросил. Уехал к родственникам в Узбекистан. В 1972 году поступил в Белорусский госуниверситет в Минске. Недоучившись, уехал на Урал, работал художником-оформителем на ЧТЗ (тракторный завод) в Челябинске. С 1975 по 1988 гг. учился очно в Литинституте в Москве. После вуза работал в журналах «Литературная учёба» и «Москва». С 2002 года работал редактором Военно-Художественной студии писателей при Министерстве обороны Российской Федерации. Член СП России. Автор двух стихотворных книг.

Живёт в Москве с 1975 г.

До последнего времени мы почти не встречались и не читали стихов друг друга, несмотря на обоюдную московскую прописку. Так нередко бывает в больших городах с людьми уже не молодыми, невольно тянущимися к спасительному одиночеству, под сенью которого ещё возможны творческие откровения.

Я знал о существовании хорошего поэта Владислава Артёмова со слов некоторых коллег по перу. Пару раз шапошно мы пересекались в коридорах СП России. Подчёркнуто сдержанный в общении с малознакомыми людьми, в своих стихах Артёмов предстаёт человеком трогательно-светлым, распахнутым для любви и сострадания к людям.

Его русскость, как поэта, определяется извечным для славянства поиском правды, не столько в понятии философском, сколько в духовно-нравственном. На мой взгляд, это важнейшая категория, определяющая поэтическое лицо всякого достойного поэта, называющего себя русским.

Богатая событиями биография Владислава Артёмова, позволяет без натуги собеседовать с читателем на языке много пережившего, растерявшего, равно как и приобретшего путного человека. Доверительный язык странника, язык дороги, убегающей за холмы и перелески отечества, очень органичен человеческой природе поэта. Нигде эмоционально внешне не переходя на крик, дидактику, а тем более патетику, этот проникновенно-сдержанный слог Владислава Артёмова по хорошему необходим тем встреченным в пути людям, для которых пересекаемое пространство жизни и есть постижение человеческой сути.

* * *

Никак эти дни уходить не хотят,
И всё же — прощаются с нами.
Над полем пустым пролетает октябрь,
Гремя ледяными крылами.

Здесь ветер уже не раздует, как жар,
Листву, что легла, догорая.
И грустно мне знать, что земля — это шар,
Что нет в ней желанного края.

Свободный и вольный — как ветер, как дождь,
Идёшь через поле пустое,
И всё-таки веришь, и всё-таки ждёшь
Последней любви. И — покоя.

НОЧНЫЕ ПТИЦЫ

Ничего со мною не случится,
Ночью в дверь никто не постучится,
В армию меня не призовут.
Но не знаю, что со мной творится,
Даже если мёртвым притвориться —
Господи! — поют, поют, поют...

Ничего со мною не стрясётся,
Почва подо мною не трясётся,
Но часы тринадцать раз пробьют,
И опять они — мороз по коже,
Всякий раз всё про одно и то же,
Слышите! — поют, поют, поют...

Отпусти меня, возьми другого.
Спасу нет, но снова ночь, и снова
Бьют часы, и птицы тут как тут.
И стою, как лист перед травой,
Я руками голову закрою,
Всё равно — поют, поют, поют...

Ничего со мною не стрясётся,
Я ночью, как восходит солнце,
И очнусь в глубокой тишине...
И жена вздохнёт, и осторожно
Снова скажет: «Жить с тобой тревожно —
Плачешь, плачешь, плачешь ты во сне».

СЕРАЯ КУКУШКА

Посадите дерево — рябину
При дорожке светлой, полевой.
Не спугните серую кукушку,
Пусть она поплачет над страной.

Белый свет нам узок был и тесен,
Всё искали роковой судьбы,
От её ль, от колыбельных песен
Дом пылал, валились с ног дубы.

Будет вечер тонкую рябину
На ветру баюкать и качать,
Будет, будет серая кукушка
Над моей страной тосковать.

Что ты, что ты, родина — держава,
До костей раздета октябрём,
Вся как есть распахнута, раскрыта
На четыре стороны кругом.

Зимний ветер с дерева рябины
Золотые листья оборвёт,
Сдует, сдует серую кукушку,
Как листок над полем понесёт.

Ты лети, лети по белу свету,
Ты узнай, как белый свет жесток,
Обернёшься — родины и нету,
Только снег, да ветер, да песок...

ЛЕСНОЙ РУЧЕЙ

Душа внезапным светом озарится,
Но день осенний мигом догорит.
Что не успел — о том досвищет птица,
Лес дошумит, ручей договорит.

Вся грусть моя здесь ничего не значит,
И никому нет дела до того,
Что над ручьем чудак какой-то плачет
О том, что счастья нету у него.

Знакомо всем, что сладость есть в обидах,
Ну, кто хоть раз себя не пожалел?
Я знаю жизнь, она проста, как выдох.
Дышал и я, но мир не обогрел.

Я обниму холодную берёзу,
Взгляну на мир и снова удивлюсь,
Что так светло сияет он сквозь слёзы,
Пой, птица, пой... Сейчас я улыбнусь.

Я равновесья в мире не нарушу,
Что даром взял, то даром отдаю,
Я на три части разрываю душу —
Вот птице, вот берёзе, вот ручью...

АВГУСТ

Стояли в небе облака
И землю светом озарили,
Дорога шла издалека,
И, наконец, пришла за нами.

Вступала слабая лоза
С огромным ветром в поединок,
И рылась хищная гроза
В дубах и гривах лошадиных.

Густая мгла заволокла
Края запущенного рая,
А ты стояла у окна,
Прощальных слёз не вытирая.

А за окном ревела жизнь,
Деревья, тучи ли, кусты ли
В широком поле разбрелись,
Да так навеки и застыли.

Я повторял тебе, шутя,
Что разводиться не стоит слякоть,
Что даже этого дождя
Тебе вовек не переплакать.

Давно тот ливень отшумел,
Но до сих пор, моя родная,
Ты плачешь в памяти моей,
Прощальных слёз не вытирая.

ЦВЕТЫ

Как получилось так, Бог весть,
Богатым лёг, проснулся — нищим...
Но если счастье в мире есть,
То это счастье мы отыщем!

Летучий образ красоты
Недолговечен и непрочен,
Я подарю тебе цветы,
Их нынче много у обочин.

Ты им придумай имена,
Они так рано созревают,
Ну а о том, что жизнь — одна,
Они и не подозревают.

Они к рассвету отгорят,
Они к утру уже увянут,
Ну что же, милая, я рад,
Что хоть на час, а был обманут.

Так не тяни, а сразу рви,
Я знаю, чувства нет капризней,
Есть правда грустная в любви —
Она всегда больнее жизни.

Души не мучай, разлюбя,
Не вороши остывшей страсти,
Забудь меня, как я тебя —
Вот всё, что знаю я о счастье.

АНГЕЛ МОЙ

По Садовому кольцу,
Где земля в бетоне,
Шла девчоночка, к лицу
приложив ладони.

Через вой, через поток,
Где машины мчались,
Шла девчонка — поперёк,
Шла она, качаясь...

Кто сказал, что счастья нет,
Да пошли их к чёрту,
Не ходи на красный свет,
Милая девчонка.

Может, жизнь не удалась,
Помереть решила...
Полюбила только раз,
А потом — грешила...

До чего же ты глупа,
Жизнь губить напрасно!..
Ждёт зелёного толпа,
А она — на красный!

Ты откуда, ясный цвет,
Из какого сада?
Не ходи на красный свет,
Девочка, не надо!

Что ты ищешь, ангел мой,
В городском бедламе,
Уезжала б ты домой,
Возвращалась к маме.

А толпа-то замерла
У черты, у края...
Быть не может!.. Перешла!..
Перешла, родная...

ДОРОГА

Вьётся во поле дорога,
Пыль да ветер, долгий путь.
Не грусти ты, ради Бога,
Скоро кончится дорога,
Мы придём куда-нибудь.

Долгий путь, будь он неладен,
Мир широк и нелюдим.
Мы с тобой устали за день,
У обочины присядем,
На дорогу поглядим.

Так вдруг сердце затоскует,
Так захочется домой!..
Ветер кончился. Не дует.
А кукушка всё кукует,
Всё кукует... Бог ты мой!

НЕВЕСТА

Это было когда-то, а как будто вчера,
Полюбила солдата
Практикантка-сестра.

Он метался и бредил, и в бреду повторял:
«Мы с тобою уедем...»
А куда — не сказал.

Как-то так, между делом, объяснился он с ней —
«Ты мне нравишься в белом,
Будь невестой моей...»

И без слов, с полужеста, понимала она —
Что такое невеста,
Да почти что... жена!

Мир наполнился эхом, как пустынный вокзал,
Он однажды уехал,
А куда — не сказал...

И пошла по палате, ни жива, ни мертва,
В ярко-белом халате
Практикантка-сестра.

И кричала в дежурке: «Он не умер, он спит...»
И пила из мензурки
Неразбавленный спирт.

Невпопад и не к месту все твердила она:
«Что такое невеста?
Да почти что... жена!»

БАЛЛАДА О КАПИТАНЕ

Любимая ни в чём не виновата...

Пётр Кошель

Он сам любил, и был любим когда-то,
Но только жизнь петлёю завилась,
И для него стал самой чёрной датой,
Тот день, когда она — не дождалась...
В Атлантике искал он Атлантиду,
Но, видно, долго за морем гостил —
Жену родную выпустил из виду,
А вышло как-то так, что — упустил.

Как долог путь с рассвета до заката,
Крута его дорога, не поката,
Шарахнулись соседи от него,
Когда к пустому дому он вернулся...
Но устоял!.. И только чуть прогнулся.
Ссутулился, не более того...

И день, и ночь он помнит про утрату,
В календаре обвел он эту дату,
И написал наивные слова:
«Любимая ни в чём не виновата,
Любимая ни в чём не виновата,
Пусть даже она трижды не права!»

Имущества — шинель, да два бушлата,
Духи «шанель», что ей дарил когда-то,
Пустой и позабытый пузырёк,
Ещё осталась белая косынка,

Которою она махала с пирса,
А он в ответ ей брал под козырёк.

Ему всё время чудится зловеще,
Что мир кругом изменою пропах...
Он видит, как она хватала вещи,
А вот любовь — забыла впопыхах.
Он кроет её матом-перематом,
Он бродит неприкаян и небрит,
Но на груди, у сердца, под бушлатом
Косынку её белую хранит.

Твердят ему — оставь ты эту муку,
Советуют — забудь её, змеюку!..
А он всё повторяет: «Ничего...»
Но рвёт печаль и гнёт его кручина,
Не стонет он, поскольку он мужчина,
Лишь поседел, не более того...

Его уже давным-давно списали,
Его не раз наркологи спасали
И удивлялись — в чём душа жива?
И бредил он: «Поверьте мне, ребята,
Любимая ни в чём не виновата,
Пусть даже она трижды не права!»

Не спорьте с тем, во что он верит свято:
«Любимая ни в чём не виновата!..» —
Он затвердил, как клятву, как зарок.
И у судьбы пощады он не просит,
Лишь иногда ладонь к глазам подносит,
Как будто бы... берёт под козырёк.

В ПРОВИНЦИАЛЬНОМ РЕСТОРАНЕ

Кто жил на свете, тот меня поймёт,
Жизнь прямо шла — да как-то боком вышла.
Зато народ, зато солист орёт,
Так голосит, что слов почти не слышно.

А зал насквозь пронизан сквозняком,
И белый стол колыхается, как лодка,
Как жаль, что я с тобою незнаком,
Но всё равно, подпой ему, красотка.

Я спел бы сам, да что-то нету сил,
И мало проку от моей подмоги,
Я три души в дороге износил,
И никого не встретил по дороге.

Один как есть — хоть смейся, хоть реви,
Но тут — кто проиграл, тому и платят,
Тут так поют о счастье и любви,
Послушаешь — и горло перехватит.

СТОРОЖ И ВИХОРЬ

Он там, должно быть, дрыхнет за горой,
Поверишь ли, такую силой налит —
Где пробежит, там пыль три дня стеной,
Где ляжет спать, там дерево завалит.

Глаза засыплет... Ах, чтоб ты ослеп,
Чуть зазевался, он — не проворонит —

Забор сломает, перетопчет хлеб,
А лопуха, поверишь ли, не тронет.

То громом ахнет... Ах, чтоб ты оглох,
Вот я тебя, охальника, лопатой!..
Но не успеешь досчитать до трёх,
А он уж вон — ховается за хатой.

Когда ж, к примеру, роща облетит,
Да из-за леса холодом подует —
Тогда он тихо в дудку задудит,
Так за трубой весь день и протоскует.

Вишь, завалился, спрятался за клён,
Храпит, подлец... А нас отлично слышит...
На весь колхоз остались — я да он,
А больше здесь ничто уже не дышит.

НИКОЛКА

На свете всё бывает,
А ты живи, не трусь —
Мол, враг одолевает,
Мол, пропадает Русь.

Пойди хоть по просёлку,
Хоть полем напрямик —
Везде живет Николка,
На то он и мужик.

Да вон его избушка,
И сам он на крыльце,

В руке его горбушка,
Улыбка на лице...

Что загляделась в небо,
Российская страна?
Попросят — дай, мол, хлеба...
Она ответит: «На...»

СЛОВА

Мои слова прозрачнее и проще,
Чем эти облетевшие леса,
Они со мной перекликались в роще,
Я полюбил их птичьих голоса.

Они в стогах осенних ночевали,
Баюкал их тягучий шум дождя.
Кормились тем, что на ходу срывали
С сырых ветвей, по саду проходя.

Даётся счастье нищим и беспечным, —
С любовью в сердце, с ветром в голове,
Здороваясь по-свойски с каждым встречным,
Я прохожу по городу Москве.

В тяжёлый час я возвращусь к вам снова,
И как гостинцы принесу с собой —
И скрип сосны, и шум дождя лесного,
И тихий говор листьев над водой.

Вот дальний гром, а это свищет птица,
Вот радуга, вот солнце на стене...
Пока слова мои вам будут сниться,
Вы улыбаться будете во сне.

МОИ СТИХИ

Мне повезло, что я — не гений,
Что бездны тёмной не достиг,
Что человеку потрясений
Не причиню я никаких.

Где тот титан, что бился с Богом,
В какие дебри он забрёл? —
Всё человеку вышло боком,
Что дерзкий гений изобрёл.

Бег за сверкающей химерой,
Мир, перестроенный в Содом —
Получит гений полной мерой
За страсти, вызревшие в нём.

Что ни скажу, увы — не ново,
Пусть Бог и дальше бережёт,
Пусть это ласковое слово
Людского сердца не сожжёт.

Мои стихи... При болях острых,
Или когда подступит страх —
Их будут раздавать медсёстры
В больницах и госпиталях...

Евгений АРТЮХОВ

(Москва)

Артюхов Евгений Анатольевич родился в 1950 году в подмосковном городе Реутово. Окончил Саратовское высшее военное командное училище МВД СССР и Литературный институт им. А.М. Горького. Тридцать с лишним лет работает в военной печати, полковник, начальник Отдела литературы журнала внутренних войск «На боевом посту».

Награждён орденом Почёта, медалью «За спасение погибавших», знаком «Почётный сотрудник МВД России». Автор восьми поэтических книг Лауреат литературной премии им. К.М. Симонова Член СП России.

Живёт в Москве.

Имя поэта Евгения Артюхова я встречал время от времени в поэтических обзорах маститых критиков (в частности, Ал. Михайлова) на страницах их книг, в столичных журналах ещё в восьмидесятые годы. Очная же наша встреча произошла в буфете ЦДЛ (а где же ещё!). Высокий, бравый, в полковничьих погонах, внешне предельно собранный, он никак не походил на носителя поэтических муз, рассеянно коротающих вечера под рюмку водки и сигаретный дым в этой писательской обители. Позже несколько раз мы встречались на каких-то планово-юбилейных мероприятиях, всё как-то вскользь, мимоходом... Поближе познакомиться, поговорить выпало в 2006 году. Тогда же у меня в руках оказалась небольшая книжка стихов поэта «Утро утрат» (Москва, 2005 г.). Казалось бы, вся сознательная жизнь поэта прошла в армии, отсюда читатель вправе был ожидать и определённую строгую армейскую выправку его стихотворных строк. Да, «армейские» стихи при-

сутствуют в творчестве Евгения Артюхова, но далеко не они определяют главный стержень его лирических интонаций. Всё то же характерное для всего поколения чувство кровной связи с землёй, с малой родиной, с невосполнимой утратой этого жизненно-необходимого островка духовности; вот те незыблемые вехи творческого пути поэта, позволяющие мировоззренчески глубоко и талантливо говорить о времени и о себе в едином контексте с судьбой России.

* * *

Укроет ночь усталую природу,
зажжёт огни на разных полюсах,
чтоб никому, тщеславию в угоду,
не вздумалось шататься в небесах.

И выступит из мрака торопливо
извечный путь.
Ну что же, не впервой
разгадывать причудливость извива
под чутко напряжённую стопой.

Здесь рядом, среди выбоин и петель,
где осторожный пращур проходил,
горит цветок — чтоб ты его заметил!
Кричит ручей — чтоб камень отвалил!

Почуял, как, скудея год от года,
во всём себя смиряя и губя,
через тебя глядит сама природа,
задумавшись на миг через тебя.

* * *

Приехал брат мой из села,
пожил и загрустил.
Сказал, что ждут его дела,
довольно, погостил.

Сказал, пора стелить в хлеву,
латать крыльцо и клеть.
Сказал, что высоко живу —
земли не разглядеть.

* * *

И муравей — мой современник,
и клейкий фитилёк листа.
Всего живого соплеменник,
я понимаю: неспроста
ум человеческий раскован,
один из множества начал —
чтоб в одиночестве суровом
себя яснее отмечал!
Но не кичился даром высшим,
а жил достойно и любя
всех,
с кем на свете белом дышим,
не отделяя от себя!

* * *

Мороз трещал,
без роздыху
наращивал ледок.
Ты по реке, как посуху,
проходишь, словно Бог.

Спрямилась бездыханная,
тяжёлая волна.
Недвижная, стеклянная
темнеет глубина.

В ней все неугомонные
уснули до весны.
Поднимет окунь сонные
глаза из глубины,

посмотрит: как-то поверху
расцветивает свет
лёд с пузырями воздуха,
как с сонмищем планет;

услышит — в лунке хрупают
бур крепким остриём.
И о тебе подумает,
совсем как ты о нём:

«Искрится небо стылое,
сверкает над тобой —
усеяно светилами,
как рыбьей чешуёй.

Недвижная, стеклянная
в нём та же глубина,
и лункою — туманная
колышется луна.

А вынырнешь — и заново
увидишь тёмный свод,
где плавниками рваными
и ворон не качнёт».

НА ВОЗДУШНОМ КОРАБЛЕ

Напряжённые турбины
долгим гулом изошли,
пробивая свод былинный
в километрах от земли.

И в мгновение воскресла
под заоблачным огнём
жизнь, усаженная в кресло
и стеснённая ремнём.

Променяв на долю птичью
свой земной бескрылый кров,
таяла она в величье
над развалом облаков.

Славила она в гордыне
человеческий напор,
воплотившийся в машине,
пожирающей простор.

Но гордыне изначальной
на воздушном корабле
помешал напев печальный.
возвращающий к земле:

это в бездне исполинской
пела женщина одна,
это песней материнской
обживалась вышина.

Терпеливо повторяла
мать присловице своё —
плакал ангел годовалый
на коленях у неё.

Это плаканье и пенье
из заоблачной дали
прибавляли нетерпенья
возвращению земли.

И не стоящим мизинца
стал низвергнутый с небес
красотою материнства
человеческий прогресс.

ОСЕНЬ

Мы были с нею заодно.
Она полями шла, борами.
Я пробовал её вино,
закусывал её дарами.

Она коробила кусты,
над крышей тучи выжимала,
но знал я — помыслы чисты,
до остального — дела мало.

Она стояла на ветру,
студила огненное солнце,
а я однажды поутру
взглянул в ослепшее оконце —

мне врало мутное стекло,
я выбежал скорей из дому.
Там белым яростно мело
по алому и золотому.

И шла, впервые не спеша,
она, себя не утруждая.
И я сказал
— Ты — хороша.
Услышал:
— Глупый, я — седая.

СЕНОВАЛ

Душным солнцем пропиталось сено,
так светло, что и покоя нет!
Поле пробивается сквозь стены,
крышу прожигает лунный свет,
и кричат нагрывшие птицы
о своей привольной стороне...

Сколько ни пытался я забыться,
но она всё реже снится мне.
Что же горевать, когда к иному
привыкал не год и не другой.
Но простора здешнего, сквозного
мне всегда хватало с головой.

Разве я не счастлив, что от века
на своём немереном пути
есть куда простому человеку
душу заболевшую нести,
и среди безбрежного течения
речек, роц, впадающих в жнивье,
ощутить своё предназначенье,
ощутить значение своё?!

СКОРО УТРО

Дух земной, приветливый и древний!
Ни звезды в окошке, ночь глуха.
Только слышно — на краю деревни
созревает голос петуха.

Значит, скоро утро. Значит, скоро
на дороге застреляет кнут,
и подпаски лысым косогором
заревое стадо поведут.

Значит, скоро утро. И увижу,
что давно запомнил наизусть —
серую чешуйчатую крышу
да большой смородиновый куст.

Значит, скоро утро. Осторожно
наклонится, тихая, ко мне:
«Так и не уснул? Да разве можно —
всё живое тешится во сне».

Только как уснёшь, когда не спится,
хочется с собой наедине
помолчать, подумать, раствориться
в этой неслучайной тишине.

Где-то ржут стреноженные кони,
точит камни тёмная река...
На щербатый низкий подоконник
крепко опирается рука.

СЕСТРЕ

Твои деревья исхудали,
поляны вымарали цвет.
Осатанело в птичьи дали
палят охотники чуть свет
так, словно здесь уходит лето
по перелётному пути.
И птицы мечутся нелепо,
как будто небо взаперти.

А ты глядишь, моя трусиха,
в сквозной дичающий зенит.
Как дробь кровавая, брусника
твои ладони тяжелит.
Зачем-то веришь, что на свете
Ещё немало светлых дней.
Не обескрылит вольный ветер
осенней родины твоей.

* * *

Помню — каждый день, как именины —
столько было шалой топоты.

...Пятачки» заросшие — пустынны,
двери неживые — заперты,
братова гармонь — молчит в чулане...
Сяду на крылечко, покурю,
поброжу, заезжий, ранней ранью,
комаров ораву покормлю,

поищу неведомого смысла
в том, что было, знать, предрешено...

Ну а мне от клюквы, что ли, кисло?
Что ли, от черники мне темно?

* * *

Здесь без тебя останется твоё —
изросший сад, осевший сруб колодца,
согбенный дом, поросшее быльём
всё то, что после счастьем назовётся.

Еще минута — дёрнется вагон,
стечёт с лица рассеянно улыбка.
В который день, в который перегон
тебя помчит грохочущая зыбка?

А детский сон придёт издалека,
почти утратив очертанья детства;
и вскинешь руку — упадёт рука,
на пустоту не в силах опереться.

Гляди! Вокруг дороги развезло,
и гнёзда вьют хозяйственные птицы,
их много так — все ветки занесло,
что даже листьям некуда лепиться.

Гроза идёт, чтоб выплакаться в степь,
трава ползёт родимым пепелищем...
И лишь твоя оборванная цепь
всю ночь скрежещет под вагонным днищем.

* * *

Обживаешь возраста пространства,
пугаешься в собственной судьбе.
Что-то есть в тебе от постоянства,
что-то и от удали в тебе.

Ждёшь чего?
Во что так веришь свято,
с ближними налаживая связь?
Что глядишь темно и виновато —
видимо, не больно удалась?

И чего бы сетовать на долю:
всюду люди, спешка, маета...
А стоишь один, как в чистом поле,
и не понимаешь ни черта.

ДОЛЯ

Нет дома, где родился,
нет школы, где учился,
нет роты, где служил,
страны, в которой жил.

Лишь холм от церкви с краю,
где спят отец и мать,
ещё мне помогает
себя не потерять.

ШИПОВНИК

Ничего на даче не растёт,
разве что шиповник вдоль забора.
Этот роет глину, словно крот,
без воды, подкормки и призора.

Не однажды я его рубил,
чтобы впредь не заглушал малину.
Но он выживал и в меру сил
выпускал зелёную лавину.

Я рубил, а он меня колол;
жѐг его, а он, стерпев все муки,
мне в глаза упрямым цветом цвѐл,
веря, что не все так близоруки.

* * *

Как рано лето обессилело,
и, от всего отрешена,
стоит нахмуренная, синяя
над головою вышина.
А солнце — яблоко мочѐное —
висит на ветке дождевой...
И нынче грусть не отвлечѐнное
понятие для нас с тобой.

Ты помнишь, как здесь было зелено?
Пичуги наперегонки
ныряли в кроны и уверенно

сновали, словно челноки,
как будто им и впрямь поручено
до наступленья майских дней
над голыми кривыми сучьями
наткать холста позеленей.

Они работали старательно
и дни, и ночи напролёт,
и выходило основательно
и на лицо, и на испод.
Посмотришь, выдохнешь: «Ну, здорово!»
И сам, как радостный порыв,
так и стоишь, задравши голову,
в траву фуражку уронив.

И вот теперь в аллее липовой,
в осиннике, березняке,
где лист к листу лежит просыпанный,
а кажется — рука в руке,
подобно позднему прозрению,
они тебя ошеломят,
лишь на какое-то мгновение
припомни то, чему был рад.

Не холст узорчатый, немереный,
с печатью птичьего ума
к твоим ногам упал намеренно,
а высь приблизилась сама,
объяв тревогой предстоящего,
рождая искренне в ответ
то чувство — горькое, щемящее,
которому названья нет.

* * *

Когда сбывается во сне,
чему никак не сбыться,
зачем-то думается мне,
что явь меня стыдится
и насылает по ночам
во искупленье бедам
то, что, бывало, отмечал,
желал и не изведал.

И вот, доступность не кляня
несбывшейся надежды,
твержу из давнего меня
не сказанное прежде
и просыпаюсь оттого,
что лёгкость-то — чрезмерна.
А жизнь такая ничего
не стоила б, наверно.

* * *

Помыкался по свету.
Не за горой черёд,
когда уже к ответу
Всевышний призовет.

Нигде не отличился,
и не на что пенять.
Полжизни жить учился,
полжизни — умирать.

* * *

И я был в юности бессмертен:
жил, как деревья, как трава.
Теперь от горестных отметин
стою, не сломленный едва.

Мелькают лица, лица, лица,
нескладно прожитые дни.
Как нелегко во мне тесниться
вам, незабвенные мои!

И жизни не было хорошей,
и нынче с нею не в ладу.
Куда же я с такою ношей,
в какую память отойду?

* * *

Я в ладони тёплые зарююсь.
Фартука клеёный холодок,
будто очищая мою совесть,
полыхнёт внезапно возле щёк.
И опять послышится сначала
(как бывало в давнем далеке)
то, что жизнь покойно ворковала
мне на материнском языке.
Но тоска накатится глухая,
чуть завижу — старенькая мать
машет вслед, как будто бы желая
от себя разлуку отогнать.

Николай ДМИТРИЕВ

(Московская обл.)

(1953—2005 гг.)

Дмитриев Николай Фёдорович родился в 1953 году в г. Руза Московской области. Детство и отрочество провёл в деревне. После десятилетки поступил в Орехово-Зуевский педагогический институт, на факультет русского языка и литературы. После окончания вуза, в 1975 г., некоторое время работал преподавателем в школе. Всё оставшееся время зарабатывал на жизнь литературным трудом.

Член СП России с 1976 года. Автор девяти книг стихотворений. Лауреат премии Ленинского комсомола 1981 года, премии «России верные сыны» 2003 года и ряда других.

Летом 2005 года Н. Дмитриев скоропостижно скончался, не выдержало сердце... В последние годы проживал в г. Балашиха Московской обл.

Со стихами поэта Николая Дмитриева я познакомился ещё в восьмидесятых годах, по журнальным публикациям. Ещё тогда он тронул меня своей чисто русской незащищённостью, покаянной любовью к отечеству, строгой взыскательностью к своему предназначению поэта и гражданина. А ещё своим редчайшим, как я теперь понимаю, поэтическим талантом.

Известность и признание пришли к нему очень рано и на редкость — заслуженно. Его крылатые стихотворные строки, едва родившись, из уст в уста разлетались по городам и весям, продолжая жить своей нестареющей жизнью. Не кривя душой, могу сказать, что это был самый талантливый и первый «опор-

ный» поэт в своём поколении. Ввиду раннего поэтического возмужания, он один, по сути дела, отвечал, как поэт, перед читателями за своих задержавшихся в творческом отрочестве ровесников. Для меня, двадцатилетнего мальчишки, он был самым почитаемым тогда поэтом после Есенина. Его поэтическая органика 70-х, 80-х годов близка к совершенству. Никакой искусственности, фальши, заигрывания, конструктивизма. Всё лишь через «вдох и выдох», как сама молитва.

Ранний уход из жизни его родителей преопределил и его трагическую судьбу. Весь 2004 год я искал встречи с Николаем Дмитриевым, как будто в предчувствии чего-то неправимого. Но он всё время ускользал от меня. Несколько раз мы разминулись днями в буфете ЦДЛ и в Московской писательской. Его адреса никто толком не знал: вроде в Балашихе, вроде уже в Москве... Я мог и хотел ему помочь словом и делом, зная о его личной трагедии. К тому же я понимал, какого поэта мы теряем. Но только летом 2005 года мне утром позвонил домой поэт Валентин Устинов и сказал: «Паша, ты всё искал встречи с Колей Дмитриевым. Так вот, ты можешь с ним встретиться. Колю хоронят сегодня...» И долгий гудок в трубке...

* * *

«Пиши о главном», — говорят.

Пишу о главном.

Пишу который год подряд

О снеге плавном.

О жёлтых окнах наших сёл,

О следе санном,

Считая так, что это всё —

О самом-самом.

Пишу о близких, дорогих
Вечерней темью,
Не почитая судьбы их
За мелкотемье.

Иду тропинкою своей
По всей планете.
И где больней, там и главней
Всего на свете.

* * *

Холодают ночи, холодают!
Выйду и антоновку сорву.
Яблоки с мороза опадают
В жухлую осеннюю траву.

Опадают, с ветками прощаясь,
Бьют с размаху о земную грудь.
Не прося у осени пощады,
Упаду и я когда-нибудь.

Упаду и я, и мне приснится
Журавлиный клин в родном краю,
И шепну о родине я птицам:
«Берегите яблоньку мою!»

* * *

Парк насажен, лифт налажен,
Дед смущён, но ликом важен.
Внучка деда привезла,
На девятый вознесла.

По ночам вставал — не спится,
Письма длинные писал.
Словно раненая птица,
Над балконом нависал.

Думал — что теперь в деревне,
Живы ль, нет его друзья?
И что старые деревья
Пересаживать нельзя.

* * *

В пятидесятых рождены,
Войны не знали мы, и всё же
Мы все, в какой-то мере, тоже
Вернувшиеся с той войны.
Летела пуля, знала дело,
Летела тридцать лет назад
Вот в этот день, вот в это лето,
Вот в это солнце, в этот сад.
С отцом я вместе выполз, выжил,
А то, в каких бы жил мирах,
Когда бы снайпер батьку выждал
В чехословацких клеверах?!

* * *

Перевозчик, мальчик древний,
Славно ль в жизни погулял?
Смычку города с деревней
Сорок лет осуществлял.
Ты на трубы заводские
Правил лодку — вёз туда
Сало, дыни золотые
И молодок — хоть куда!
Вёз обратно их с платками,
Всё с товаром дорогим,
Брал за службу пятаками,
А когда и чем другим.
Стал ты старый и недужный,
А закон у пользы прост:
Вот и встал он, очень нужный,
Очень скучный, важный мост.
Он доставит вас с поклажей
В город и наоборот,
А вот сказку не расскажет
И вот песню не споёт.
Я припомню всё, что было,
Погрущу издалика —
На бугре твоя могила,
Под бугром твоя река.
Долетают с тёплым ветром
Плеск волны, осины дрожь.
...То не ты ли в лодке светлой
Тихо по небу плывёшь?

* * *

Вдруг ослепит на повороте
Ненастный льдистый свет небес,
Как много странного в природе,
Как смотрит в душу этот лес!

И снега нет, но есть творожный
Тревожный запах юных зим,
Над колеёй моей дорожной
Скользит он, хрупок и незрим.

И ветру с торопливой речью
Вдруг удаётся донести
Печаль почти что человечью,
Своё какое-то «прости».

И как бывало не однажды,
Когда родна земле тоска,
Я всё ищу, ищу в пейзаже
Недостающего мазка.

С годами сердце не умнеет:
Смотрю, смотрю в простор полей,
Где, объясняя всё, темнеет
Фигурка матери моей.

ИЗ ПИСЬМА В ИНСТИТУТ

За окном просёлок хмурый
Да кротоми взрытый луг,
Я — полпред литературы
На пятнадцать вёрст вокруг.

Много теми, много лесу,
Всё трудней приходят дни,
А в дипломе что там весу —
Только корочки одни!

И девчонка (вы учтите),
Лишь под вечер свет включу:
«Эй, — кричит, — иди, учитель,
Целоваться научу!»

* * *

Чумаза, обтрёпана и весела,
Рассыпалась рота у края села.

Автобусов ждут и негромко поют
Шестнадцать убитых в недавнем бою.

Сидят, обметая ромашковый сор,
И съёмкой доволен седой режиссёр.

Даст Бог, отразит, словно тучу в пруду,
Большое искусство большую беду.

На улице пусто, от пыли бело —
Живёт сенокосом степное село.

В избу постучался, плечист и усат,
Актёр, а сейчас — по работе — солдат.

И вышла старуха и села без сил,
Когда он устало воды попросил.

* * *

В крупноблочном этаж уместил полдеревни,
Полдеревни глядит сверху вниз на деревья.

И приедем не раз ещё в жизни приснится,
Как у них под подошвами плавают птицы.

Привыкают с авоськой ходить за картошкой,
Отвыкают от Федьки слепого с гармошкой.

Ждут, как прежде, с утра о погоде вестей,
Забывают в «глазок» посмотреть на гостей.

А вчера о покосе приснился им сон,
Это, утром постриженный, вянул газон.

* * *

Не отпустили за границу —
Печати важной не достал. —
Кричат беспаспортные птицы,
Почуяв близкий ледостав.

Теперь с попутною подводой
Туда, где ясени парят.
(И с обязательной заботой:
Мол, нашим да в калашный ряд...)

А я дивлюсь, как облетело
И побелело к ноябрю,
А я смеюсь — не в этом дело!
И за подвоз благодарю.

Вот нащеплю ножом лучину,
Откочевавших вспомню птиц
И брошу в печь мою кручину
По толкотне чужих столиц.

И прогуляюсь к черноталу
Тропинкой звонкой от крыльца.
...Которой мне всегда хватало,
Которой хватит до конца.

47 РУБ. 45 КОП

Ты жила на пенсию такую,
Но писала: «Ничего, кукую.
Куры пролезают в городьбе».
И ушла в немыслимые дали...
Мне сегодня, мама, деньги дали
За стихи о доме, о тебе.

Яркие бумажки протянули,
Словно бы осину потряхнули
И листву советуют сгрести.
За стихи о тёмном, бедном доме!
Ох, и жжёт листва мои ладони!
Ну, куда, куда её нести?

* * *

Сейчас наступит темнота,
До глаз и сердца доберётся.
Мне двадцать шесть. Я сирота.
Усынови меня, берёза!

Нам будет весело вдвоём
Ронять листву на сад и крышу, —
Я в шуме ласковом твоём
Опять родительское слышу.

Ведь мы в одной томимся мгле,
Одной окрасимся мы зорькой.
И корни у меня в земле,
Где и твои — в родной и горькой.

РАЗЛУКА

Строгие глаза свои скосила,
Но не обманул покой лица:
Да, сейчас заплачет некрасиво,
Отдаваясь плачу до конца.

Но до вздрога первого, до звука
Объясни — за что мне эта месть,
Эта возвышающая мука,
Эта незаслуженная честь?

Светлое моё во мне лютует:
«Лучше б раньше сгинул ты во мгле!»
Тёмное моё во мне ликует:
«Крепко твоё место на земле!»

Так играют эти светотени,
Но уже расплакалось всерьёз
Тоненькое хрупкое растенье,
Всё из чёлки, нежности и слёз.

Но уже умолкла виновато
С махонькой слезинкой на весу,
Угадав, что страшная расплата
Ждёт меня за каждую слезу.

* * *

Что стоишь, качаясь...

Поразившая картина:
Из дубового дупла
Нежнокожая рябина
Осторожно проросла.

Словно впрямь через дорогу
К милому перебралась.
Успокоилась — и к сроку
Алой ягодой взялась.

Словно лишь теперь на месте
Стать её,
Её краса.
Словно грусть старинной песни
Сотворила чудеса.

Он морщинистый, дуплистый —
Жданный, встреченный, родной.
... И летят на землю листья,
Вслед за перистым — резной.

ГОРБУН

Идёт горбун сквозь рощу женских ног,
Привычно опуская очи долу,
Он ужас жизни рано перемог,
С отличием окончив эту школу.

Что видит он, асфальтовый грибник,
Под шелест крон из шёлка да из ситца?
Здесь будто отшумел шальной пикник —
На всякий вкус отыщется вещица.

Не повезло им: улеглись на дно,
У них свои неслышные обиды.
Роднит их разве только лишь одно:
Изорваны, потоптаны, разбиты.

Но не сочти, что, духом обнищав,
Он жалконького ищет утешенья
В истерзанных, искрученных вещах,
А счёл — проси у Господа прощенья.

Идёт горбун сквозь рощу женских ног,
Сейчас он переступит свой порог.

Он рано понял: можно воспитать
Глаза. Отдать им нежность всю и муку.
А, воспитав, — нечасто поднимать,
И в совершенстве ту постиг науку.

Возлюбленная выйдет на крыльцо,
Прекрасная, как лань на лунном берегу!

...Сейчас он треугольное лицо
Поднимет. И — она его навеки!

ГРИБЫ

Грибы пошли. Моя пора.
На Рузу в дождевых накрапах
Надвинулся ещё с утра
Зовущий в путь старинный запах.
«Ау! Ау-у! — и там, и тут
Сырые оклики летают —
Как будто молодость зовут,
Как будто детство окликают.
Ты собирайся. И поверь
Среди тумана и растений
Поре находок, не потерь —
Поре больших приобретений.

*

Ты понапрасну повторял,
Что впереди одна усталость, —
Кто столько в жизни потерял,
Тому лишь находить осталось.
Смотри: хвоинками шурша,
Восходит гриб, венчая лето,
Как леса чистая душа,
Как сын возлюбленный рассвета.

*

Как тайны хрупкая печать —
Она опять тот мир осветит,
Где некому «ау» кричать,
Но крикни — и тебе ответят.
Окликнут с пашен и лугов
Удача, молодость, любовь.
Лишь сигарету разомнёшь

И дым развесишь над поляной —
Через года пробьётся дрожь,
Шаги и смех из рожи пьяной.
И ты встаёшь, как в осень ту,
И обнимаешь — пустоту.

*

Пожарче печку истоплю,
Сковороду к углям приставлю,
И вспомню всех, кого люблю,
И осень русскую восславлю.
Всё гуще тень. Мрачнее лес
Шумит о вечном. Он умеет.
Как подосиновика срез —
В окне стремительно темнеет.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Смотрю с улыбкой виноватой
Через окно на первый снег,
Побитый жизнью, тёртый, мятый,
Угрюмоватый человек.

Вот так, тепло и незнакомо,
Глядит, робея не шутя,
Папаша у дверей роддома
На позднее своё дитя.

Как вор, берёт, но — приникает
К нему и хочет жить светлей,
И очень трудно привыкает
К последней радости своей.

НА СЕНОВАЛЕ

Покой души ишу на чердаке.
Не в фолиантах, не на дне рюмашки.
Здесь хорошо откинутой руке,
Зарывшейся в засохшие ромашки.
Любого стебля имя назову,
Я тех же мест привядшее растенье,
И в самую любимую траву
Вдруг выплачусь по моему хотенью.

Нет, не от века прячусь я во мгле,
Не для того за речкой мы косили.
Здесь тихо так, что слышно всё в селе,
А если приподняться — и в России.
Плыви, чердак, туманы бороздя
И свой покой великий источая,
Родное постаревшее дитя,
Уставшее, уснувшее, качая.

ПОЛУСТАНОК

В окно вагона спозаранок
Ты кратких несколько минут
Глазел на пыльный полустанок:
Неужто люди здесь живут?

Ты видел выкрашенный охрой
Столетней выдержки забор,
Жалел и тополь с кроной дохлой,
И плешью венчаный бугор.

Но в тусклом нездоровом свете
У полированных корней
Под тополем играли дети
На бедной родине своей.

Другой у них уже не будет,
Так пусть ничто не оскорбит
Сторонку ту. Она ж не судит
Твой кочевой скользкий быт.

И, может, с этой скудной сени
Они сумеют больше взять,
Чем ты с персидской взял сирени,
Что под окном растила мать.

* * *

Качну на родину качели,
Руками разведу туман.
Соцветья пижмы почернели,
Трясёт лохмотьями бурьян.

Златая опадь в чернотале
В глаза кидается, слепя.
— А мы ведь годы коротали,
Цвели и гасли без тебя!

Повыветрилась древесина
В строеньях серых во дворе,
Лишь, как ночник, зажглась осина
Для всей округи на горе.

Во двор отца входи без страха,
Хоть здесь живых и нет уже,
Но — и в тебе всё больше праха,
Дождя и опади в душе.

Так принимай во славу нашу
И в память всех полынных дней
Неупиваемую чашу
Осенней родины твоей.

* * *

Мне было все дано Творцом
Без всяких проволочек:
И дом с крыльцом, и мать с отцом,
И складыванье строчек.

Россия — рядом и — в груди,
С мечтой о новом Спасе,
С тысячелетьем позади
И с вечностью в запасе.

Мне было все дано Творцом:
И у скворечни скворчик,
И дом с крыльцом, и мать с отцом,
И складыванье строчек.

И вот теперь сказать могу
(Не за горами старость),
Что всё досталось дураку,
Всё — дураку досталось...

* * *

Осталось уж не так и много
Скрипеть до смертного конца.
Я знаю: у того порога
Увижу хмурого отца.

Увижу орденские планки,
Увижу ясные глаза.
Он заставлял чужие танки
Коптить родные небеса.

И спросит он не без усилья,
Вслед за поэтом, боль тая:
— Так где теперь она, Россия,
И по какой рубеж твоя?

Нет у меня совсем ответа,
Я сам ищу его во мгле,
И тёмное безвестье это
Удерживает на земле.

* * *

Где женщина? И где друзья?
Зачем счастливым быть не смею?
Ведь знаю сам, что так нельзя,
Когда вся жизнь — прощанье с нею.

Под крошево холодных звёзд
Опять ныряю раным-рано

Хлебать за сто промозглых вёрст
Кисель родимого тумана.

Там пью и пью густую темь
Всю ночь, по странному хотенью,
И, не отбрасывая тень,
Хожу ссутулившейся тенью.

Прости мне, Господи, — лишь здесь,
Где мрак и льдистые берёзы,
Не верю я, что в мире есть
Тебе невидимые слёзы.

ТАК МНЕ И НАДО

До деревянных мозолей трудился —
Дом раскатал, где ребёнком резвился.
Ноги изранил. Костыль мой — лопата.
Так мне и надо!

Грядки морковки, укропные грядки
Расположил в идеальном порядке
(Это ж могилы! И рядом — ограда!)
Так мне и надо!

Езжу в Москву, черенки покупаю,
Руки в земле материнской купаю,
Слушаю шорохи юного сада.
Так мне и надо!

Очень уж поздний, но ясный и ладный
Видят родители труд благодатный.
Чую тепло их небесного взгляда.
Так мне и надо!

НА ВОКЗАЛЕ

Там, где серая зорька застала,
Где стекло от составов дрожит,
На потёртой скамейке вокзала
Он, неузнанный миром, лежит.

На платформу спешат россияне:
То заденут мешком, то полой —
Никакого такого сиянья
Над косматой его головой.

И вокруг замечают не очень
Те, что шепчутся, дремлют, жуют,
Что опять на лице его очи
За секунду до взрыва живут.

Он в столицу никем не направлен,
Нестоличен с макушки до пят.
Спит редактор, стихами отравлен,
Спят наборщики, критики спят.

Он откуда? Не знаю ту местность,
Но уже без неё не прожить.
И присела родная словесность
Чемонданчик его сторожить.

Юрий ЗАФЕСОВ

(Москва)

Зафесов Юрий Муратович родился 4 января 1959 года на прииске Артёмовском (бывшем Феодосьевском) Бодайбинского района Иркутской области в семье горного инженера. Мать — учитель математики. Детство прошло на золотых приисках «Лензолото» — на прииске Артёмовском, Дальняя Тайга и в городе Бодайбо, где и получил аттестат об окончании средней школы. Окончил Московское высшее общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР в 1980 г. Служил в Забайкалье (командиром взвода) и в Закарпатье (корреспондентом дивизионной газеты). В 1985 году уволился из Вооруженных Сил СССР. Четыре сезона занимался заготовкой дикоросов (лекарственных трав, корней в Забайкалье и на Алтае). Работал кочегаром, ночной няней в школе-интернате, дворником, консультантом Московской писательской организации. Занимался издательской и предпринимательской деятельностью.

Автор книг «Ледостав» (изд. «Современник», 1989) и «Белый ворон» (Академия поэзии, 2003). Член СП России.

Живёт в Москве.

До лета 2005 года я ровным счётом ничего не слышал о поэте Юрии Зафесове, не читал ни единой его строчки. Возможно, моё знакомство с его стихами случилось бы раньше, если бы в определённых поэтических кругах его имя каким-то образом напоминало о себе. Как всегда, случайно, нас познакомил мой старший товарищ прекрасный поэт Валентин Устинов. Был слегка дождливый, но очаровательный летний день. Мы сидели втроём в открытом кафе напротив МСПС, на По-

варской, не без удовольствия прикладываясь к водочке и закуске, учтиво и с любопытством прислушиваясь к голосам друг друга. Оказалось, они оба очень давно знакомы и более чем тепло относятся к своему совместному поэтическому притяжению. Юрий Зафесов производил впечатление самодостаточного, умного, раскрепощённого в суждениях и манерах человека. В нём с трудом проглядывала душевная трогательность и замкнутость, свойственная людям внутренне одиноким и ранимым. Зато явно доминировали интеллект и философское самовыражение.

Немногим позже, тот же В. Устинов любезно передал мне книгу избранных стихотворений Юрия «Белый ворон», вышедшую при Академии поэзии в 2003 г. Удивительно, насколько совпал образ впервые встреченного мной человека и поэта Юрия Зафесова. За кажущейся прохладной, безукоризненно выверенной пластикой стиха, то там, то тут отчётливо зримо возникал образ гражданина и воина, неизменно стоящего на последнем рубеже духовных сил державы.

Его поэзия полна тревоги и ночной бессонницы. Она неустанно подрагивает от ощущения рвущегося вокруг и внутри её оставленного без боя пространства, населённого родными ему людьми и предметами. Его неустанный тревожный голос, подобно колокольному звону, звучит предостережением и призывом к сбережению в человеке его светлых небесных начал.

Удивительны в поэте культура стиха и чувство слова. Тот редкий случай, когда говорят — поэт от Бога. Перечитывая лучшие стихи Юрия Зафесова, я наслаждался его дерзкой лёгкости словодвижений, полной органики чувств и мысли. Возможно, мне где-то не хватало в его строчках некоего эмоционального надрыва, трогательного угадывания трудноуловимого в красках и звуке. Но я понимаю, что это требование к полному совершенству, а значит, к почти недостижимому.

СНЕГ

Н. Шипилову

Ни о чём не беспокоясь,
в ночь иду — огни горят.
Содрогнул последний поезд
телефонных будок ряд.
Из одной — темно и глухо,
как упавшая с луны, —
смотрит жалобно старуха
на раздолье белизны.
Небеса ль её ветшают —
клочья падают к ногам?..
Или вечность воскрешает,
как читает по слогам?..
Что ей слышится — стихии,
постояльцев голоса?
У неё глаза сухие,
дальнозоркие глаза.
Что-то чует. Что-то будет...
Перестанет падать снег.
Кто-то, видимо, осудит
мой нечаянный ночлег,
ночь, объявшую кварталы,
водки несколько глотков,
говор девушки картавый
и молчанье стариков...
Что-то будет. Белый вить
жжёт бетонные столбы.

Боль — пытавшемуся видеть
дальше собственной судьбы.

* * *

М.С.

Влетят клювастые, усядутся за стол.
Поделят чинно золото и жемчуг.
Ославят простодушье русских женщин.
Почистят перья и — за частокол.

За частоколом — смутные огни.
Цветная даль разъята и размыта.
И облака неведомого быта
причуде императора сродни.

«Жизнь недурна, но всё-таки не мёд».
Блуждая в рассуждениях пространных,
гляжу: растёт в отечестве кустарник,
он пасмурное небо в клочья рвёт.

Стремится в дол к острожному огню,
как будто знает тайну вызволения...
Средь воя выюг дослушают селенья
залётных птиц гортанную ругню.

Но тракт протает. И протяжный гул
взломает лёд на Лене и Витиме.
Кустарник вспомнит собственное имя.
И цветом в сопки выплеснет — Б-А-Г-У-Л!!!

Он жажду жить, ликуя, утолит.
В мир протрубит родительница жаба,
что неспроста двуглавая держава
тяжёлыми крылами шевелит.

* * *

В кромешной темени светла,
лозой потягиваясь сладко,
ты прошептала — обожгла:
«Я оловянная солдатка...»

Очнись! Опомнись! И найди
для жизни мирные пароли.
Пусть оловянные дожди
лудят изношенные кровли.

Пусть проводившая меня
калитка стонет тихо-тихо
и посреди большого дня
рыдает старая пластинка,
свою сжигая колею...

Любовью, ревностью ли мучась,
благословляю я твою
непредсказуемую участь!

* * *

Уходят женщины, корыстны
мечтой — остаться навсегда
там, где на шаткие карнизы
с восторгом падает вода.
Где оправданьем глаз припухших,
измене, чёрствости — виной
и всхлип совы, и плач кукушки,
и шёпот листьев... за спиной.

* * *

Татьяне

Свет печи. Керосиновый свет.
Отогреем друг другу ладони.
В этом сиром заброшенном доме
нет покоя от прожитых лет.

Здесь зазря отгорает заря.
Паутина в углах шевелится.
И восходят забытые лица,
и кружится перо глухаря.

Сквозь надсаженный хохот пурги,
крепость брёвен и одурь мороза
снова слышится плач паровоза.
А за дверью — чужие шаги.

Смутный сон на краю немоты.
Стол накрыт — для продрогших в дороге.
Мы наутро проснёмся в тревоге:
хлеб не тронут, а стопки — пусты.

Этой жажды нельзя утолить,
как нельзя в этой местности дикой
(той, где свет разбавляют брусникой)
от себя их приход утаить.

Зов из тьмы очевиден вполне,
как февральский взыскующий норов.
Спи, родная, но даже во сне
не пугайся ночных разговоров.

* * *

О. Ворониной

В Бодайбó открывают окно.
В старом парке шумит непогода.
Эта женщина — словно вино.
урожая далёкого года.

О себе говорит не спеша.
Мол, живу межстряпни и варений.
А душа... Что такое душа?
Отраженье благих намерений.

Мол, на прошлое времени нет.
Что судьбу, как могли, так слепили.
Что янтарно прозрачен ранет,
промороженный стужей Сибири.

* * *

Татьяне

Когда мне станет свет не мил
и накренится свод небесный,
не разрушай наш хрупкий мир!
Зачем тебе стоять над бездной?!

Тревожной страсти вопреки,
поверь иному озаренью.

И отпусти меня с руки.
А дочерей отправь в деревню.

Пойми: за каменной стеной
так мало места для Татьяны.
Пусть память солнечной волной
окатит лунные поляны.

Пусть в ожидании пурги
внезапно молодость воскреснет.
И поздний лист замкнёт круги
под вешний смысл забытой песни.

* * *

Памяти мамы

Пурга звенит, как саранча.
Через луга перелетает.
Горит семейная свеча.
Свеча горит, но воск не тает.

И, занавешивая тьму,
звенят связующие цепи.
И жутко, мама, одному
в пустом доме — в семейном склепе.

И горько думать по ночам,
что никогда на свет не выйдет
подслеповатая печаль,
что дальше осени не видит.

* * *

Душа! Ты стала барышом,
которым не с кем поделиться.
Я в этом городе большом
уже не вглядываюсь в лица.

Несу сквозь тень и полусвет
дум домотканую холстину.
И сквозь меня дороги нет —
есть заунывный ветер в спину.

И есть чужая сторона,
где бродит кровь не прозревая.
Но тает в тереме жена,
свечу в ладонях согревая.

И я люблю её навзрыд,
в былом и будущем покаясь.
Покуда терем тот парит,
земли студёной не касаясь.

БЕЛЫЙ ВОРОН

Белый ворон в рыжей кроне,
как першит твоя гортань!
Ты скажи своей вороне:
— Ненаглядная, отстань!

Что ты мыслишь о породе?
Под себя себя гребёшь.

Что там осень в огороде,
если в городе грабёж!

Если с вербой золочёной
обручён, как обречён.
Если и к Ербогачену
приторочен ороchon.

И к тебе я приторочен,
прибинтован тыщей лык —
правдой прошлых червоточин,
волей пришлых прощелыг.

Если не лущишь, то ропщешь,
кости моешь, душу рвёшь.
Мужу горло прополощешь —
тёще шею не свернёшь.

Будет жизнь — не камарилья.
Белый ворот. Горний хор...
Как-то снег упал на крылья
и не стаял до сих пор.

...Ворон крылья простирает.
В медный коготь влип топаз.
А в ноябрь удирает
красный заяц — листопад.

* * *

Прости меня, птица!
Прости за мечту о полёте.
Упавшему навзничь мне слышались клики вдали.
«Птенцы человечьи!
Вы слёзы напрасные льёте!...»
Тем часом собратья на поиски Бога ушли.
Кто посохом стукнул,
кто вскинул смолёные вёсла,
кто смыслом наполнил скитания дымных рубах,
кто принял за веру сиротские наши ремёсла.
Кто выдохнул птиц — но они запеклись на губах.
Меня поглотило,
в себе растворило пространство.
Прости меня, птица,
за боль нерожавшей земли.
Прости доброхотов —
и тех, что ушли в христианство,
и тех, что в себя и в печали Отчизны ушли.
Ушли — не вернулись.
В любой накатившейся глыбе
таилась угроза и ответ подспудного зла.
Мечта о полёте — ночное паренье на дыбе.
Ступил в ковыли — и траншея за мной пролегла.
Прости меня, птица!
Покуда светла моя воля,
не славы желаю, не мыслю с любви барыша.
Рубаха моя на шесте среди чёрного поля —
вразброс рукава, — а над ней беспредельна душа.
К душе бесконечна
по осыпям звёздным дорога.

С ней время не властно беспечно твердить о своём.
Стою на земле,
постигая сомнением Бога,
под сердцем храня безутешный родной окоём.

ДОБРЫЙ МАЛЫЙ

Добрый малый оставил трактор.
«Пусть пасётся сам на лугу...
Пенделятор и щелбанатор
изобрести, — говорит, — могу».

В силу добрых квасных традиций,
чтобы смысл наполнял очаг.
Угораздило ведь родиться
с любознательностью в очах.

Добрый малый с земель исконных
начал счёт верстовых столбов.
«Щелбанатор — для толоконных
невысоких вельможных лбов...»

Соком жимолости сиропным
восходила заря над мхом.
«Пенделятор нерасторопным
помогает взбежать на холм...»

Добрый малый, расейский житель...
сладим каждому свой хомут.
Пусть спокойно поспит правитель,
изобретший сухарь и кнут.

СТАНСЫ

1

Умы Отчизны смущены...
И, помечтав о лучшей доле,
портреты сходят со стены,
нездешний свет блуждает в доме.
Гнездится нечисть по углам,
жуёт стеклянное печенье.
Всё жуть и мрак. Лишь старый хлам
имеет смутное значенье.
В свеченье чопорных планет.
Но в старой книге стёрто ИМЯ.
И только печь, которой нет,
творит еловое полымя.

2

Всё утрясётся. Но, увы,
не помогают уговоры.
Неслышный, как полёт совы,
восходит ужас в ваши норы.
Кренился вычурный плакат:
«Мир — шелестящему циклопу!»
И там, где плавится закат,
скребётся Азия в Европу.
Космизм... Соборность... Русский путь...
Смеётся племя молодое.
Хрустит пространство — не сомкнуть
окровавленные ладони.
И значит, вновь — Россию вброд.
Но давний опыт не торопит.
Когда б хождение в народ
не породило смутный ропот.

Когда б полуденную слизь
не соскрести с бульжных улиц...
Однажды в Боге не сошлись,
потом в друг друге разминулись.
Но так же чинно пили чай.
И так же поутру разило.
И снова слышалось: «Прощай!
Прощай, невытая Россия!»
Судили праведным судом
и скрип телег, и голос детский...

Вставал рассвет, и Мертвый Дом
покинул Фёдор Достоевский.

3

Когда досужая молва
погасит пламя преисподней
и материальная канва
предназначение исполнит,
тогда несказанное вслух
внезапным светом озарится.
И воцарится русский дух
над отворённую страницей.

Он различит на склоне дней
благоухающую ветку,
рожденье звёзд, игру теней.
Всё то, что надо человеку!

Чтобы понять земную грусть!..
Свою нечаянную долю.
Предвосхитив обратный путь.
Путь человечества — на волю.

* * *

В. Кожин

Происходившее давно
зловонной воли вызволение
уже в умах погребено.
А мы, сквозное поколение,
дым, чьё чистилище — труба,
во лжи блуждаем, где доньше
стоит крестьянская изба.
Не на земле — на красной льдине.
На серебристом сквозняке,
забыв бывшее золоченье.
По Окияну, по Реке
куда несёт её течение?
Из достопамятных времён.
От созерцательности ленной.
В гул дерзновенных шестерён
в ночи мерцающей Вселенной.

Я просыпаюсь в той избе,
ладонью глажу половицу.
Я напишу письмо тебе
в самонадежную столицу.
О дурачках, о горюнах,
кто úзбу опростоволосил.
Изба — Россия — на волнах.
Без крыл, без паруса, без вёсел.
Плывёт с берёзой на трубе.
В печи цветёт земля сырая...
Я нахожу вину в тебе,
в себе, в громах родного края.

Николай ЗИНОВЬЕВ

(Краснодарский край)

Зиновьев Николай Александрович родился в январе 1960 года в станице Кореновской Краснодарского края. Учился в ПТУ, станкостроительном техникуме, в университете. Работал грузчиком, бетонщиком, сварщиком.

Автор многих поэтических сборников. Лауреат Большой литературной премии России за 2005 год. Член СП России.

Живёт в г. Кореновск Краснодарского края.

Говорить о поэзии Николая Зиновьева одновременно и легко, и трудно. Легко, потому что явление его поэзии в сегодняшней литературной жизни безоговорочно очевидно. Трудно, потому что, как всякий подлинный поэтический талант, он не переложим на язык критической прозы. И всё-таки...

Впервые со стихами Николая Зиновьева меня познакомил писатель и критик Пётр Ткаченко в 2004 году, подарив мне первую вышедшую в Москве при его участии книжку поэта «Дни дарованные свыше». Сказать, что стихи не оставили меня равнодушным — всё равно что промолчать. Некоторые из них меня просто потрясли. Вчитываясь в их строки, я просветлённо плакал, как плачет подросток, уткнувшись в колени простившей его матери. Вслед за этим пришло понимание, что в поэзию пришёл поэт с предельной гражданской совестью, помноженной на, только ему присущий, образный ряд. Захотелось поподробнее узнать об авторе стихов, написать ему, поделиться возникшими переживаниями. Наше наполнение друг другом, через письма, звонки, личные встречи продолжается до сих пор, чему я очень рад. На моих глазах творческая орбита Николая Зиновьева вбирала в себя всё новых и новых

почитателей его таланта от Краснодарской глубинки до Москвы, Вологды, Иркутска. Лично мне всегда импонировала в творческих людях органичная скромность, наряду с пониманием своего предназначения, как творца. Поэт Николай Зиновьев наделён этой редкой добродетелью сполна. По мере нашего двустороннего общения с Николаем Зиновьевым, я задавался вопросом, в чём же притягательная власть его поэзии? Где скрыты те потаённые родники его целительных строк? Конечно, подробные критические анализы творчества Николая Зиновьева ещё впереди, но какие-то возможные ответы на эти вопросы мне хотелось бы попытаться озвучить уже сейчас.

Поэтика Николая Зиновьева самобытна. При максимальном сжатом стихотворном объеме (2—4 строфы) и почти полном отсутствии внешних и стилистических раздражителей, стихи поэта обладают поразительным, говоря языком военной инженерии, кумулятивным эффектом. То есть, способностью в короткий промежуток времени преодолеть максимальную забронированность души читателя, при высоких поражающих свойствах.

Николай Зиновьев, поэт ярко выраженного эмоционального жеста. Его меньше всего интересует «как?» Ему важно «что?» Весь недюжинный арсенал его таланта брошен на этот алтарь. Если продолжить образный ряд, то поэт, скорее, иконописец Рублёв с его намеренно скупой фактурой второго плана, нежели Саврасов, или Левитан, с их многомерным воплощением изобразительных форм. В своё время я увещевал Николая, что определённая скудность стихотворной палитры лишает его возможности тактически разнообразить сюжетную линию, толкая его в коридор заданности — эмоционально-смысловому взрыву в концовках стихотворений. Я и теперь остаюсь при своём мнении. Однако пришло понимание, что такая манера стихописания Николая Зиновьева, скорее всего, для него единственно возможна, то есть органична. И вряд ли мы в праве требовать от поэта нечто другое. Но согласитесь, читавшие Николая Зиновьева, как бы безгранично хороши бы-

ли бы его стихи, обретая они в полной мере свои музыку и краски. Но это к слову моё (и только) привередливое пожелание. Что же касается главной задачи поэзии во все времена и эпохи — врачевание человеческой души, её, если угодно, потрясение, то с этой труднейшей задачей Николай Зиновьев справляется в полной мере, как никто другой ныне в нашем вопиющем к совести отечестве.

* * *

Я в нашей комнатке прохладной,
Проснувшись рано поутру,
Ступал на солнечные пятна
На голом крашеном полу.
Она спала, нагие груди
Укрыв распущенной косой,
А я счастливый и босой,
В постель ей нёс пирог на блюде.
Спешил на кухню ставить чайник.
Всё это вижу, как в кино.
Увы, мы встретились случайно.
Увы, расстались мы давно.

И жизнь, как прежде, непонятна.
И я, как нищий на балу.
Но эти солнечные пятна...
Но эти солнечные пятна
На голом крашеном полу!..

* * *

Меня учили: «Люди — братья,
И ты им верь всегда, везде».
Я вскинул руки для объятия
И оказался на кресте.

Но с этих пор об этом чуде
Стараюсь всё-таки забыть.
Ведь как ни злы, ни лживы люди,
Мне больше некого любить.

* * *

Любил я в это время суток, —
Благословенные часы!
Давясь дремотою, из будок
На дверь поглядывали псы.

Из дома выходил хозяин
И зябко кутался в тулуп.
О, незабвенный дух окраин!
О, снега скрип! О, дым из труб!

Хатёнки ветхие. Сугробы.
Окошки все до одного
Глядят без зависти, без злобы.
О, время детства моего!

КРЕСТЬЯНИН

Какой там век за воротами?
То для него — пустой вопрос:
Всё те же вилы, тот навоз,
Что он ворочает годами.

Не изменился мир ничуть,
Как дня извечный распорядок:
Подъём в предутреннюю муть,
Отбой, когда не видно грядок.

Как будто кони дни несутся,
Кто на пути их может стать?
Ложится мой крестьянин спать
С одной надеждою — проснуться.

В работе тяжкой, как в дыму,
Проходит жизнь его и бабы.
Вы посочувствуйте ему
И ей, хотя бы.

Наутро снова человек
Поит быка и кормит тёлку.
Ему плевать, какой там век
Во двор заглядывает в щёлку.

ЛЕГЕНДА

А свои голубые глаза
Потерял я в двенадцатом веке.
При внезапном степняцком набеге
Они с кровью скатились с лица.

И тогда, чтоб за гибель семьи
Печенег не ушёл от ответа,
Я их поднял с горелой земли
И с тех пор они чёрного цвета.

* * *

Памяти бабушки

Травы пахнут так сладко,
Воздух тёплый такой.
За железной оградкой —
Тишина и покой.

Как зелёная туча,
За оградкой — ветла.
И калитка скрипуча,
И скамейка тепла.

Станным кажется это,
И сомненья берут:
То ли солнцем нагрета,
То ли ангел был тут?..

* * *

Я люблю эти старые хаты
С вечно ржавой пилой под стрехой.
Этот мох на крылечках горбатых
Так и тянет прижаться щекой.

Этих старых церквей полукружья
И калеку на грязном снегу.
До рыданий люблю, до удушья,
А за что — объяснить не могу.

* * *

Я помню всех по именам,
Кто нас учил, что труд — награда.
Забудьте, милые, не надо...
Труд — наказание Божье нам.

Как может быть мой дух высок,
Когда до поту, до измору
Я за говядины кусок
Дворец роскошный строю вору?
Ведь я потворствую ему,
Ведь я из их, выходит, своры...
О, век! Ни сердцу, ни уму,
Ни духу не найти опоры.

СТАРАЯ ВДОВА

А по утрам в глазах темно.
На хате крыша вовсе спрела.
И вспомнить страшно, как давно
Душа души перегорела.

Но на лице от жизни той
Остался свет. Он нестираем,
Как отблеск бедности святой
На миске с выщербленным краем...

В ХРАМЕ

Ты просишь у Бога покоя,
И, жаркой молитве вослед,
Ты крестишься левой рукою,
Зажав в ней десантный берет.

И с ангельским ликом серьёзным,
Неправый свой крест сотворя,
Вздыхаешь. Под городом Грозным
Осталась десница твоя.

Осталась она не в граните,
Не в бронзе, а просто сгнила...
Стоишь, и твой ангел-хранитель
Стоит за спиной. Без крыла.

ВЕЛИКАЯ ЖАЖДА

Великой жаждой обуян,
Он продал старенький баян —
Свою последнюю отраду,
И выпил две бутылки кряду.
Пришёл домой в дымину, в стельку,
Сел на убогую постельку:
Великой жаждой обуян,
Забыл, что пропил свой баян.
И мнимые ремни накиннул,
И мнимые меха раздвинул,
И пальцами затеребил,
И всех забыл, и всё забыл.
Одну мелодию лишь помнил,
И ею комнату заполнил.
Хоть пустоту рука встречала,
Звучала музыка, звучала.
И с ужасом жена глядела
На столь невиданное дело.

* * *

Как ликует заграница
И от счастья воет воем,
Что мы встали на колени.
А мы встали на колени
Помолиться перед боем...

* * *

Я бьюсь над смыслом бытия,
Но ты войдешь с улыбкой влажной,
Возьмешь халат свой за края —
И ничего уже не важно...

Кем эта власть тебе дана?
В судьбу на радость и на муку
Тебя швырнул мне сатана
Или Господь привёл за руку?

* * *

В степи, покрытой пылью брэнной,
Сидел и плакал человек.
А мимо шел Творец Вселенной.
Остановившись, он изрек:
«Я друг униженных и бедных,
Я всех убогих берегу,
Я знаю много слов заветных.
Я есмь твой Бог. Я всё могу.
Меня печалит вид твой грустный,
Какой нуждою ты тесним?»
И человек сказал: «Я — русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.

ЗАБРОШЕННОЕ ПОДВОРЬЕ

Здесь лишь сычи — народ оседлый,
И осы, много диких ос.
А старый сад, когда-то светлый,
Совсем по-бунински зарос.

Ложится тенью на кустарник
И сыплет крошкой меловой
Кривая хата. И татарник
О стену бьётся головой.

* * *

Солнце встало. Как и надо,
Голубеют небеса.
Похмелённая бригада
С «матом» лезет на леса.
А прораб, слюнявя чёлку,
Плотью чужья блудный гон,
Голоногую девчонку
Тащит в вахтовый вагон.
Истопник глядит и злится,
И от зависти томится, —
Глеет «прима» на губе,
А в котле смола курится.
Глянь, Господь, что тут творится.
Это строят храм Тебе.

ДВА БЕРЕГА

Шум, веселье на том берегу,
А на этом безлюдно и тихо,
Только возятся мыши в стогу,
Да облита луной облепиха.

Где-то тихо всплеснулся налим...
Видно, здесь буду встречен рассветом
Я с безумным желаньем моим:
Быть на том берегу и на этом.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ХУТОР

На моей родной земле
Лишь один такой есть хутор.
Как туманом на заре,
Весь он вишеньем окутан.
Там дремучи камыши
И закаты там багровы.
Доживают там в глуши
Долгий век казачьи вдовы.

Там у старого пруда
Ивы грустно долу гнутся.
И с войны мой дед туда
Должен, должен был вернуться.
Но пропал мой дед во мгле,
Бес войны его попутал...
На моей родной земле
Лишь один такой есть хутор..

* * *

Как солнце зимнее огромно!
Поля безбрежны, как моря.
Средь них размеренно и скромно
Идёт-проходит жизнь моя.

А миром правит ложь и ярость.
Плач не смолкает ни на миг.
И в сердце всё перемешалось:
В нём и святая к людям жалость,
И гнев на них, и стыд за них.

В ПИВНОЙ

Подъезжает на коляске
И небритый, и седой.
Наливаю «под завязку»,
Мне не жалко. Он — Герой.
Он в Чечне оставил ноги
И полвзвода своего,
А ребята были — боги.
Помнит всех до одного.
Выпив, морщится: «Отрава», —
Пьёт ещё. Потом кричит:
«На хрена мне эта слава,
Слышишь?»
Родина молчит.

БЕССМЕРТИЕ

Тучи сизые нависли.
Глубь России. Ночь, Вокзал.
«Понимаешь, нету жизни», —
Мужику мужик сказал.

Прокатилась по буфету
Эта фраза. Стали пить:
«Наливай! Где жизни нету,
Там откуда смерти быть?»

К РОССИИ

Тебя как только ни чернили,
Тебя как только ни чернят,
Какую только грязь не лили,
Но ты чиста с главы до пят.

Ты бед с рождения знала столько,
Что даже счесть их не дано.
Да от другой страны — осколка
Уж не осталось бы давно.

Но ты жива, и я прилюдно
Всегда твержу, как твой пиит,
Что я спокоен абсолютно,
Я знаю, кто тебя хранит!..

РОССИЯ

Под крики шайки оголтелой
Чужих и собственных Иуд,
Тебя босой, в рубахе белой
На место лобное ведут.

И старший сын указ читает,
А средний сын топор берёт,
Лишь младший сын ревмя-ревёт
И ничего не понимает...

ЦЫГАНОЧКА С ВЫХОДОМ

Паренёк, а ну, не кисни.
Что сидишь как истукан?
За здоровый образ жизни
Наливай полней стакан.
Ну-ка, Дарья, выдь парадам,
Всем фасадом покажись!
Покажи кремлёвским гадам,
Что жива в России жизнь.
Объясни им, шайке — сброду,
Что народ не горстка тли.
Показать язык народу
Можно только из петли.

* * *

Первые седины в волосах.
Тонкие чулки в такую стужу.
Брови, словно нитки. А в глазах —
Ничего, похожего на душу.

И стоит, румянами горя,
«Сука привокзальная», «Катюха»,
«Катюшка-полстакана», «Катюшка-шлюха».
Катя... Одноклассница моя...

* * *

Горели высокие свечи,
И служба снимал с них нагар.
Подняв угловатые плечи,
Священник кадилом махал.
Вдыхал я душистые струйки,
Торжественно пела душа.
Слагая молитвенно руки,
Я жить обещал не греша.
Был день Иоанна Предтечи,
Повсюду: по кругу и в ряд
Горели высокие свечи...
Высокие свечи горят!

* * *

Сыну

Жизнь настолько могуча, сынок,
Столько в ней неразгаданной силы,
Что следы от босых её ног
Глубоки... глубоки, как могилы.

Ты ещё словно ангел небесный,
А на мне уже мрака печать.
Я в такие заглядывал бездны,
Что об этом мне лучше молчать.

РЯБИНОВАЯ РОЩА НА ОБРЫВЕ

Пусть ваши дни напрасно не мрачатся,
Не привыкать с Россией нам прощаться.
Такая доля нашей выпала Отчизне:
Ни смерти не даёт ей Бог, ни жизни.
Стоять ей так на грани, на краю,
Оплакивая избранность свою
До самого до Страшного суда,
Покачивая нас туда — сюда
В душевной смуте вечной и надрыве
Рябиновой рощей на обрыве...

В СТЕПИ

Прикрылась дымкой даль простора,
В речушке морщится вода,
Белеет «кашка» от позора,
Краснеют маки от стыда.

Глядят испуганно ромашки,
И даже ветер тёплый зол
За иностранную рубашку,
В которой я сюда пришёл.

ВИДЕНИЕ У МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

В полночь он из-под плит выползает.
В мокрой глине его сапоги,
А в глазницах не видно ни зги,
Но где враг затаился — он знает.

Знает жизни и смерти он цену,
Всё ему рассказали в раю,
Потому за Кремлёвскую стену
Он бросает гранату свою...

* * *

Вослед прошедшей нищенке любой
Болит душа, как рана ножевая.
Но как отрадно сквозь тоску и боль
Подумать о душе своей: «Живая».

ОКНО В ЕВРОПУ

Я жить так больше не хочу.
О, дайте мне топор, холопу,
И гвозди, я заколочу
Окно постылое в Европу.

И ни к чему тут разговоры.
Ведь в окна лазят только воры.

* * *

Целый день, как крест несущу,
Думая невольно:
«Чем Россию я спасу?»
Вам смешно? Мне больно.

Замирает даже дух.
От тоски и страха...
На Руси любой треух —
Шапка Мономаха.

МУЖИЧОК

Сидит, дымит махоркою
Небритый мужичок,
Глядит с улыбкой горькою
На свой земли клочок.

Пока он на завалинке,
В нём силы — на щепоть,
Но встанет этот маленький —
Не приведи, Господь!..

* * *

Не сатана ли сам уже
В стране бесчинствует, неистов?
Но тем достойнее душе
В такой грязи остаться чистой.

Держись, родимая, держись.
И не спеши расстаться с телом.
Крепись душа! В России жизнь
Всегда была нелёгким делом...

* * *

Весна еще весной осталась
Везде и в поле, и в лесу.
Но больше всех её досталось,
Взгляните, детскому лицу.

Когда цветёт оно улыбкой,
Оно как будто бы поёт.
Поёт и жизни нашей зыбкой
Весь смысл бесценный придаёт.

ПОЭТ

Все в мире заняты делами.
Какое множество судеб!
Кто камни делает хлебами,
Кто в камни превращает хлеб.

Найдите дело мне, поэту:
Лишь я один — ни то, ни сё,
Сижу, верчу в руках планету,
Где происходит это всё.

* * *

Проснусь — и думаю о Боге.
Мурлыча, кот лежит в ногах.
Я нищ, как многие; в итоге
Мне б надо думать о деньгах.

Пытаюсь, но не получается.
Бог ближе русскому уму.
Вот потому и не кончается
Россия. Только потому!

Павел КОСЯКОВ

(Москва)

Косяков Павел Иванович родился в 1959 году в г. Оха на Сахалине. С 1962 года вместе с семьёй жил в городе Минеральные Воды Ставропольского края, где и окончил десятилетку в 1976 году. Служил в рядах Советской армии (1977—1979 г.г.). Сменил полтора десятка профессий: бетонщик, монтажник, слесарь, грузчик, оператор котельной, эксперт-риэлтор, комендант МСПС, редактор отдела поэзии журнала «Дом Ростовых», продавец и ряд других. С детства занимался горным туризмом, альпинизмом. Побывал во всех районах Кавказского хребта, на Памире.

Стихи пишет с 12 лет. Автор четырёх поэтических сборников «Ожидаящий берег», «Радость печали», «За кромкой покоя», «Территория души», вышедших в Москве, где поэт проживает с конца 1984 года. Член СП России. Лауреат Всероссийской премии имени Н. Рубцова. В настоящее время — главный редактор интернет-портала «Библиотека профессиональных писателей».

Странно и удивительно, но то, что моя судьба, моё призвание — поэзия, я знал уже лет в пятнадцать. Оттого, вероятно, меня никогда не посещали муки профессионального выбора, не донимала забота как-то пристроиться в этой жизни.

Счастливым образом, избежав всех новомодных поэтических течений, я остался там же и тем же, каким помню себя в далёком творческом отрочестве, а именно добрым мальчишкой, шагающим по первопутку навстречу убегающей в даль за горизонт, такой желанной и недостижимой русской воли. Хватило бы сил и мужества в этом движении к неизбывному.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

Две женщины встретят меня у ворот,
Проводят в избу и посадят у печки:
Одна с молодыми бровями вразлёт,
Другая — с глазами застуженной речки.
Две женщины встретят меня у ворот.

Две женщины выставят снедь предо мной,
Нальют в два стакана гранёных настою:
Один, до краёв, будет с мёртвой водой,
Другой — в половину — с живою водою.
Две женщины выставят снедь предо мной.

Две женщины молча мне справят постель
В двух тёмных углах задремавшей избышки:
Одна изголовьем — на стылую дверь,
Другая — к иконам, над срезом подушки.
Две женщины молча мне справят постель.

Две женщины выйдут меня провожать
В морозное утро, в дорогу, по чести:
Одна меня в губы начнёт целовать,
Другая — мне спину три раза окрестит.
Две женщины выйдут меня провожать.

РУССКАЯ ВДОВА

Всю ночь она рыдала в голос.
А утром избу подмела
И волосы свои, по пояс,
В тяжёлый узел собрала.
И молча двери отворила,
Не глядя, вышла на крыльцо.
А там... земли целебной сила
И солнце щедрое — в лицо
И ближний дол, и даль Отчизны,
Времён связующая нить...
И поняла она, что в жизни
Ей есть, кого ещё любить.

ПОКАЯНИЕ

И даль вольна. И счастье кротко.
И купола в реке чисты.
Скользит задумчивая лодка
Сквозь отражённые кресты.

Легка печаль, пусты тревоги,
Прозрачны думы, ясен взгляд,
Как будто берегом отлогим
Безмолвно ангелы летят...

И все пути исповедимы,
И дух Руси неистребим,
Пока кружатся серафимы
Над покаянием моим.

ЧЕРНОСИТОВО

Сеют бабы ласку ситами,
Выпекают калачи.
Под деревней Черноситово
Бьют целебные ключи.

В том краю (я вам поведаю)
Не берут в сельмаге сдач.
Ходит твёрдою монетою
Черноситовский калач.

Нет лица в деревне хмурого,
Всяк доволен, всяк румян.
Прибыл даже чин из Муром
Подивиться на селян.
И уверовав, — к плечу
Нацепил по калачу.

А народ... глаза, как свечи,
Души — только что с печи.
Шепчут праведные речи
В потаённые ключи.

Лбы кропят живой водою,
Омывают малых чад.
Под вечернею зарёю
Песни русские звучат.

Вот какие чудеса
Прячут здешние леса!

Я там был. Оставил мету.
И одно могу сказать:
— Я когда-нибудь приеду
В ту деревню умирать.

ВЫСОКИЙ СВЕТ

Весь, как есть, покрытый ржой,
Прикипевшей к телу,
Потянулся я душой
К смертному пределу.

А у края — края нет.
Между ним и мною
Серебрится долгий свет
Высоко над тьмою.

В глубине звучат хоры,
Вторят эху горны.
И нагорные миры
Воле их покорны.

Льются звёздные дожди,
В кущах зреют лозы.
Видеть, кто там впереди,
Мне мешают слёзы.

И у света края нет...
Выпорхнув из тела,
Коль душа летит на свет —
Нет душе предела.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Седой, лохматый, словно лев
И оттого ещё сердитей,
Сидит он, лавку подперев,
Войны последней победитель.

Один со своего двора,
А может быть, со всей округи...
Свисают с лобного бугра
Бровей насупленные дуги.

На нём помятый пиджачок.
На рукавах торчат оборки.
Но плотно сжат воротничок
Его армейской гимнастёрки.

Сидит, бормочет о своём,
Кадык упрямый шевелится.
Он мнёт приступок костылём,
Как будто в прошлое стучится,

Где он воспет и знаменит,
Где в чёрной свастике Европа,
Где он по ней в упор палит
Из сталинградского окопа...

Держись, хороший мой, держись!
Когда небесная поманит,
Я так надеюсь — эта жизнь
Тебя хоть в смерти не обманет.

ПОЛУСТАНКИ

Привокзальный качнётся киоск.
Даст гудок машинист для проформы.
Скорый поезд «Москва — Кисловодск»
Отправляется с третьей платформы.

Замелькает незримый пунктир,
Утверждая сквозь дни окаянства,
Оставленье забот и квартир,
Обретенье себя и пространства.

Блажь колёсная. Скрежет рессор.
Будто ты, уходя, понемногу
Сквозь столичный стекая зазор,
На большую выходишь дорогу.

Видишь всё, всех в пути узнаёшь,
Обнимаешь в охапку подолгу,
С первым встречным на станциях пьёшь
И смеёшься, и плачешь без толку...

Сердце русское, мчишься куда,
Из каких выпадаешь вагонов?
Знает только трава лебеда,
Что растёт вдоль ночных перегонов.

Вот за этот таинственный зов,
Может быть, самой чистой огранки,
Полюбил я гудки поездов
И железных дорог полустанки.

* * *

В России память девичья
(Простим ей эту прить).
Но и рукой Малевича
Её не зачернить.

Ведут её в отхожую,
Ведут её на слом.
А Русь, что дверь в прихожую,
Которой входят в дом.

Потом потеть над блюдцами,
Потом чай дымить,
А попервой — разуться бы,
Да лоб перекрестить.

И будет вам сметанушка,
И мёд за обшлага...
Добра Россия-матушка,
Да на руку строга.

ПУТНИЕ ОГНИ

Люблю под вечер напрямки,
Как промотавшийся гуляка,
Шагать, шагать на огоньки,
Едва чадящие из мрака.

Вдыхать далёкие дымы,
Верстать овраги и дубравы,

Не зорякаясь от суммы,
Вдали от почестей и славы.

Шагать без устали, любя
В себе бездомность и безвестность.
Любить, как, может быть, тебя
Ещё полюбит эта местность

За прожитые вместе дни,
Где с послушанием монаха,
Ты шёл на путние огни,
Едва чадающие из мрака.

* * *

Крылата Русь! Куда ни глянь:
Под лебедями — Лебедадь,
Под журавлями — Журавлёво,
Под снегирами — Снегирёво...
Она сама, кружась над нами,
Всё машет белыми крылами,
Роняет скорбное перо
Не на погибель — на добро.
В одну всех нас скликает стаю...
Куда лететь?
... И я не знаю.

* * *

Будут ночью ставни хлопать,
Птица вещая кричать.
Будет ветер в копны опадь
Под калитку наметать.

Выйду утром за ограду,
Встану вехой у межи,
Подпалю листвы лампаду
На прозрение души.

И поверю — так бывает;
Годы, пущенные влёт,
Ранний ветер разбросает,
Поздний ветер соберёт.

* * *

Это неправильно, скверно и худо:
Жить и не верить в возможное чудо,
Не просыпаться в безумном бреду —
Преодолею, достигну, найду!
В вихре отлётов, отъездов, отплытий
Не потеряться листками убытий,
Не наплевать на все эти потери,
Не преуспеть в торжествующей вере —
Там, за распластанной грудой Америк,
Есть где-то мой
ожидающий берег!

* * *

Поздняя осень. Рябина горстями.
Я из Москвы отбываю частями.
Всеу меня, разобрав по микронам,
Ташат, несут, волокут по вагонам.
Втиснутый, сваленный в пыль, без билета,
Я заполняю все стороны света.
Не говорите, что так не бывает —
Поезд со мною уже прибывает.
Это меня с третьих полок снимают,
Ташат, несут, волокут... обнимают.
Вносят в дома, сквозь осеннее крошево,
Шепчут мне на́ ухо что-то хорошее.
И, засыпая, сквозь мокрые веки,
Я обещаю остаться навеки.
Я обещаю, пока это длится,
С вами плохого не приключится.

* * *

Я видел — бабочка крылами билась
В моё полуприкрытое окно.
И ничего, казалось, не случилось,
Но что-то между тем произошло.

В какой-то миг качнулись деревья,
И вороньё с ветвей снялось в испуге,
И той волной сметённая листва
Собой заполонила всё в округе.

Я только видел вихревый тот след:
Он оглушил, встревожил и умчался...
И только щит рекламный всё качался
О вреде для здоровья сигарет.

Почти забылось. В блоке новостей
Давали скучно сводки о погоде,
О том, что в сфере метеострастей
Уже произошло и происходит.

И вдруг — о, Боже! — холод по спине...
Уже постигнув смысл своей догадки,
Я узнаю — в далёкой мне стране
Жестокий смерч навёл свои порядки.

Потешился, оставив за собой
Руины ферм и вздыбленные реки,
Безжалостной, всесильною рукой
Всё разметав в насильственном набеге...

А часом раньше — бабочка в стекло
Крылами перламутровыми билась.
И ничего, казалось, не случилось...

НЕОБХОДИМАЯ

Дивлюсь твоим трудам, любимая,
Найти в мелькающей толпе
Среди для всех необходимого —
Необходимое тебе.
И на виду у века стылого

В непостижимом кураже
Всё выносить: меня постылого,
Невыносимого уже,
Полёты с кручи счастья мнимого
И обещаний горький дым...

Не обходи, необходимая,
Меня прощением своим.

РОДИНЕ

Кори, вини,
Как водится,
(Ни слова поперёк),
Жена моя,
Любовница,
Сестра моих дорог.
Брани,
Грехи наваливай,
Ссыпай их
Через стол
В рассветный
Нежно-палевый
В подпалинах подол.
Коль виноват, —
К праматери
Гони и след задуй.
А коли чист —
Без памяти
В уста меня
Целуй!

* * *

Ходили б тропочкой одной,
Сплетали б руки повиликой
И пахли б волосы копной,
И рдели б губы земляникой.

Букеты б рвали по лугам,
Венками красили б макушки,
Смеясь, делили б пополам
Неутомимый счёт кукушки.

Что за рубахи я б носил!
Какие платья ты б носила!..

Когда бы я тебя любил,
Когда бы ты меня любила.

* * *

После стопочки анисовой
Жизнь в деревне — ничего.
От Инша́ково к Борисово
Полторы версты всего;

Через брод, через болотину,
Через залитый мосток,
Через взгорочек к Субботину
Дяде Ване на часок

Дядя Ваня ждёт неистово.
Дым табачный вокруг него.
После стопочки анисовой
Жизнь в деревне — ничего.

Чуть поодаль — речка-реченька
С вековым названием Пра.
Изгибается доверчиво
Женской линией бедра.

Оботру рубахой флисовой
Пот с фасада своего.
После стопочки анисовой
Жизнь в деревне — ничего.

Ах, Мещёра! Сосны — мачтами,
Парусами — облака.
Над озёрами коньячными
Мчит утиная дуга...

Виснет дрёма юбкой плисовой
У забора моего.
После четверти анисовой
Жизнь в деревне — ого-го!

БЛАГОДА

Убыль закатную пью по глотку,
Сердце томится в нахлынувшей благоде.
Каждой берёзке несу по цветку,
Каждой раките — по вызревшей ягоде.

Мимо погоста пройду по мосту.
Возле развилки сорву незабудку.
Каждой усопшей душе — по кресту,
Каждой мной встреченной — по первопутку.

Голос подам. Отнесёт далеко
Звуки напевные речка-молчальница.
Может, пою до сих пор оттого,
Что эта песня во мне не кончается.

ИЗ ДЕТСТВА

— Чок-чок, чок-чок.
Чи девчонка, чи мальчок?
Я у деда на коленях,
Как на стеблике сверчок.

У дедули руки в жилах,
Ус чернявый, щёлки глаз.
Солнца дутое смешило,
Увалилось за лабаз.

Всё обласкано, согрето —
И душа моя, и плоть.
У меня в кармане лето
И за пазухой ломоть.

— Чок-чок, чок-чок.
Чи девчонка, чи мальчок?
Я у деда и у бабки
Разлюбимый казачок.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Ну, вот и нагрянула. Долго
Коней запрягала. И всё ж
По взмыленным, трепетным холкам
Гуляет дорожная дрожь.

Явилась. С возов домовито
Снесла дорогие дары:
Рассветную негу на жито,
Закатную песнь на дворы.

Озёрам и рекам — прибаву,
Лесам — щебетанье пичуг,
Ручьи — детворе на забаву,
Румяна — к щекам молодух.

Окинула взором угодыя,
Не надо ль ещё что-нибудь,
Степенно тряхнула поводья
И дальше отправилась в путь.

* * *

Н. Зиновьеву

Вы спросите, как я живу
В Москве от бедности в отрыве...
Живу, как сумерки во рву,
Как куст рябины на обрыве.
Как мглой затянутая высь,
Как осознание чёрной вести;
Что всё же танки прорвались
На Дубосековском разъезде.
Как стон, как судорога глаз,
Как остриём по сухожилию...
Живу, раз кто-нибудь из вас
Всё это называет жизнью.
Живу от утра до утра,
Живу от выдоха до вдоха,
Пока стекает с топора
Приговорённая эпоха.

* * *

Оставляю заумные книжки.
Забуду про всё и про всех.
Уеду, где дремлют домишки
Вдали от столичных утех.

Сторонка моя, ты поныне
Бесхитросно так же живёшь;

В деревне Раздоры — унынье,
В деревне Беседы — галдёж.

Родная моя, избяная,
Согретая сонмом веков,
Всего в полушаге от края
Баюкаешь бред стариков.

Гремит кольцевая дорога.
Разъяты, распяты пути.
Сторонка моя недотрога,
Ты в сторону ту не ходи.

Она запылит твои очи,
Вручит тебе волчий билет,
Обдаст смертным духом обочин,
Швырнёт, как окурок в кювет.

Беги, хоронись за ограды,
Сажай свою статью под замки.
Тебе и сегодня не рады,
А завтра возьмут за грудки!

Не ряженой в царских палатах,
Не падшей, чей стыд по рублю,
В шеломе с божницей на латах
Тебя полюбил и люблю.

* * *

*...а жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идёт, и плачет, уходя.*

А. Фет

В хорошую пору, в хороший денёк,
Упрятав в карманы ладоши,
Глядел я, как тлеет в костре уголёк
С одним человеком хорошим.

Апрельская роща дышала свежо.
Хорошая тренькала птица.
И мне показалось, что так хорошо
Уже никогда не случится.

И так стало слёзно, что жизни огонь
Летит, превращаясь в горошину...

И я протянул человеку ладонь,
И мы обнялись по-хорошему.

* * *

Гляжу со всеми смыслами,
Пропаренный, босой,
На ту, что щами кислыми
Врачует мой постой.

То по воду кидается,
То веником шуршит.

Вздывается, качается
Её укромный быт.

А ночка под калиткою
Всё шепчет про своё.
Ажурной шито ниткою
Постельное бельё.

Пусть тает полуношная
На тумбочке свеча.
Мольба твоя истошная
Сгорает у плеча...

Усадит утром потчевать:
И водку, и рассол,
И всякого, и прочего
Навалит полный стол.

Почти женой законною,
Отряхивая сон,
За шторкою оконною
Пошепчет у икон.

Всё понимая, грешная,
Проводит вдоль села,
Где вдоволь безутешная
Рябина зацвела.

* * *

Дочери

Ты кривишь губы, снова уходя
В чужие стены, запахи и руки.
Дитя моё, любимое дитя,
Ведь я тебя растил не для разлуки.

Ухватит горло судорога скул,
Когда ты мимо голову проносишь.
Какую муку я в тебя вдохнул,
Коль ты меня и на́ дух не выносишь?!

Захлопнешь двери гулко от себя.
Осядет звук и станет в доме пусто.
Ненужностью повеет от тряпья
И тишина навалится до хруста.

Дитя моё, любимое дитя,
Сосуд из первородного литья,
Которым может каждый насладиться...

Ни рук омыть, ни вдоволь не напиться.

ВЕЧЕР У РЕКИ

Е. Юшину

Где-то ржёт за скирдой коняга.
Расставляет туман силки.
У быстрины бубнит коряга,
Стерегущая сон реки.

Путь вдоль берега мглист, неясен.
Затухающий свет вобрав,
С крутояра скользит неясить
В шевеленье дремотных трав.

Вековому чутью в угоду,
Утверждая свой древний быт,
Комариная туча к броду
Одинокий мой путь теснит.

Вот и взгорок, объятый ветром,
Деревенских домишек ряд.
В них на стульях под лунным светом
Что-то тихое говорят.

Может, крошки смахнув ладошкой,
Как о самой большой родне,
Вот за тем избяным окошком
Кто-то думает обо мне.

* * *

Как неба сколок опалён!
Закатный луч ему утеха.
Как безнадежно я влюблён
В зверей, природу, человека!

Не доверяя волшебству,
Не раз сидевший на мякине,
Я доверяю естеству,
Как скульптор вымоченной глине.

Ваяй, душа! Тебе ль не знать,
Как вызволяясь из-под спуда
Рутины, пробует дышать
Любви младенческое чудо.

Как разрастаясь, вопреки
Молве толпы, суждениям света,
С её божественной руки
Летит в твою ладонь монета.

И ты, во власти новых чар,
Свой дар прилежно испытываешь,
В себе утраивая жар,
Томишься, каешься, взыскуешь.

И звук, и свет, и ток в крови —
Всё неотступней, ярче, выше...
И всё восходит из любви,
И ею дышит!

Виктор КИРЮШИН

(Москва)

Кирюшин Виктор Федорович родился в 1953 году в Брянске. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, публицист, издатель.

Стихи публиковались в журналах «Москва», «Континент», «Смена», «Наши современник», «Поэзия», «Сибирские огни», «Подъём», альманахе «День поэзии», антологиях «Венок славы», «Русская поэзия: XX век», «Русская поэзия: XXI век». Автор сборников стихотворений «Стезя», «Чередование тьмы и света», «Накануне снега и любви».

Лауреат премии Ленинского комсомола в области литературы и искусства. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Проживает в Москве.

С Виктором Кирюшиным я познакомился случайно в ЦДЛ в 2006 году. Его представили мне как очень хорошего русского поэта. Обменяться поэтическими книжками, за неимением при себе таковых, не довелось. Но осталась визитка с телефоном и местом работы — главный редактор журнала «Сельская Новь». Вторая встреча состоялась только через четыре года — по моей инициативе.

Данная книга уже была практически свёрстана и готова к печати, но неожиданно один из авторов потребовал снять его подборку стихов... И тут я вспомнил о нашей встрече четырёхлетней давности с поэтом Виктором Кирюшиным. Окунувшись в интернет, к счастью обнаружил весомый поэтический материал и сопутствующие данные об авторе. С первых

же прочитанных мной стихотворений я понял, что это поэт моей книжки, моего поколения, моего дыхания. Созвонились. Договорились. В силу его большой профессиональной занятости в журнале, подготовка подборки подтянулась. Но вот необходимые 300 строк оказались в моих руках и перед моими глазами. Не скрою, я с предубеждением отношусь к высоким литературно-номенклатурным должностям в плане их собственно художественных притязаний, за примерами ходить далеко не надо. Но то, что Виктор Кирюшин один из немногих подлинных поэтов современной России со своей рельефно очерченной лирико-философской интонацией для меня факт бесспорный. Как ему удалось при длительных начальствующих должностях сохранить в себе по-детски трепетное, чистое восприятие мира — для меня чарующая загадка. Хочется верить, что истинный ценитель русской поэзии, окунувшись в стихотворный мир Виктора Кирюшина, приоткроет завесу этой тайны, тайны человеческой души.

* * *

Позже темнеет и раньше светает,
Время весеннею льдинкою тает.
Капля по капле уходит в песок
Жизнь, а не сладкий берёзовый сок.
Но оттого, что на свете невечен,
Дорог вот этот мерцающий вечер,
Полутона, и штрихи, и оттенки,
Сумрак и солнечный зайчик на стенке,
Облако в небе и влага и овраге,
Старое фото на жёлтой бумаге,
Где средь ушедших в иные края,
Неразличимый, устроился я.

* * *

Задыхаюсь от косноязычья,
Но уже не зайти за черту —
Слово рыбье, звериное, птичье,
Словно кость застревает во рту.

Снова древнюю книгу листаю,
Чей волнующий запах знаком.
Вы, от века живущие в стае,
Не считайте меня чужаком!

Беззащитен и разумом смутен
Смуглый пасынок ночи и дня,
Я такой же по крови и сути —
Муравью и пичуге родня.

Но природа, закрывшая двери,
Немотой продолжает корить.
О, свободные птицы и звери,
Научите меня говорить!

* * *

Ночью проснулся от крика,
Мучило: был он иль нет?
Лишь первозданно
И дико
Лунный колыхнется свет.

Свет неземного накала
В небе, на белой стене.
Ты ли меня окликала
Или почудилось мне.

Снова из тьмы законной
Луч этот вырвал на миг
Твой беспечальный,
Иконный,
Незабываемый лик.

Между былым и грядущим
Не отыскать рубежа,
В непостижимом и сущем
Вновь заплутала душа.

Чтобы в немислимом свете,
Там, среди звёзд и комет,
Мучиться и не ответить:
Были мы в мире иль нет?

* * *

Остановлюсь и лягу у куста,
Пока легки печали и пожитки,
На оборотной стороне листа
Разглядывать лучистые прожилки.

При светлячках, при солнце, при свечах
Мир созерцать отнюдь небесполезно:

В подробностях, деталях, мелочах
Не хаос открывается, а бездна.

Вселенная без края и конца
Вселяла б ужас до последней клетки,
Когда б не трепыхался у лица
Листок зелёный с муравьём на ветке.

ДОМ

Дом у реки — резным фасадом к бору,
Где ежевика вьётся по забору
И яблоки запутались в траве —
Как о тебе я тосковал в Москве!

Теперь уже не встретят тесть и тёща.
Приют их вечный ныне там, где роща
И тёмные дубовые кресты...
Недалеко, всего-то две версты.

Дорога непроезжая горбата
К могилам тихим узника штрафбата,
Пришедшего с войны в бинтах сырых,
И матери, поднявшей восьмерых.

А дом стоит, и сохранилась печка.
Напротив — лес, за огородом — речка.
Благословенны здешние места!
Вот только жаль: земля вокруг пуста.

Ушёл её рачитель и ходатай,
А я всего лишь праздный соглядатай,

Их возвращения не тороплю,
Видимо, свыкся с погодой сырою.
Утром остывшую печь затоплю,
Стол на двоих, как бывало, накрою.

Красная скатерть, хмельное вино,
Встречи на миг, остальное — разлука.
Буду смотреть в зоревое окно
Ждать понапрасну условного стука.

Лучше б весь мир занесло, замело,
Снежная запеленала одежда...
Необъяснимо такое тепло.
Необъяснимее только надежда.

* * *

И дым черёмух у крыльца,
И этот ливень с чёрной тучей
Недолговечны, как пыльца
На крыльях бабочки летучей.

Но встал и замер у стены,
Когда явились вдруг,
Нерёзки,
Твои глаза
Из глубины
Полуосыпавшейся фрески.

ПРЕДЗИМЬЕ

Как согревает свет предзимних дней!
В нём боли нет — прощанье и прощенье,
Неясное пока предощущенье
Утраты скорой,
Горечи о ней.

Вдруг подступает к сердцу твоему
Какая-то неведомая сила,
И хочется остаться одному,
И одиночество невыносимо.

* * *

Полуоткрыты оконные створки:
В небо впечатана церковь на взгорке,
Дальше — полоска сутулого бора,
Ближе — сирени костёр у забора.

Мир непридуманный, мир настоящий,
Ливнем омытый, поющий, летящий.
Птица, растение, ветка немая
Празднуют ясную радугу мая.

Долго земля эту силу копила:
Тянутся в высь лебеда и крапива,
Люди, деревья и церковь на взгорке...
Полуоткрыты оконные створки.

* * *

У края, у межи
Сошлись теперь и впредь
Предположение жить
С надеждой умереть.

Язык весов и мер
Поставил мир впросак,
Но свет нездешних сфер
Покуда не иссяк.

Колокола звонят
Во сне и наяву:
Они меня хранят,
Они меня зовут.

Канат легко рубить,
Но что вам завещать?
Живых уметь любить,
Живых уметь прощать.

* * *

Рябины стынувший рубин
Под вьюгой нервнойю...
Я эту женщину любил.
Любил, наверное.

Своим теплом отогревал
В беде без робости,

И целовал,
И предавал
У самой пропасти.

У той немислимой черты,
Во тьме скрываемой,
Нерасторжимостью четы
Одолеваемой.

Я эту женщину любил.
Любил, наверное.
Недаром ангел вострубил
В конце над скверною.

Душа, остывшая до дна,
Прими отмщение!
Но казнь всегда была одна —
Её прощение.

ПРОЩАНИЕ

Мужчинам плакать не пристало,
Когда уходят воевать.
Она на цыпочки привстала,
Чтобы его поцеловать.

По доскам зыбкого настила
Увёл команду военком.
Она его перекрестила —
Неловко, истово, тайком.

Шагало молча отделенье,
Он оглянулся раз и два.
...Она стояла в отдаленье,
Ещё не зная, что вдова.

СТАРУХИ

По хлябям невообразимым,
Полдня промаявшись в лесу,
Грибов бездонные корзины
Старухи вечные несут.

Боровики белее сала,
Маслята под любой ранжир...
В райцентре, около вокзала,
Их купит бойкий пассажир.

Метнёт помятые купюры
И пожурит со стороны:
«Ах, бабы-дуры, бабы-дуры,
Такому чуду нет цены!

Прими спасибо за подарок.
Так не накопишь сроду, мать»,
«Хоть невелик, а всё ж приварок, —
Ответит:
— Внуков поднимать...»

Перрон пустеет понемногу.
И в поле не видать ни зги.

Пора в обратную дорогу.
«- А ну, Матрёна, помоги!»

Забыв про годы и недуги,
Бредут по всем путям страны
Её кормилицы — старухи.
Им нет цены.
Им нет цены!

* * *

Лес обгорелый,
десяток избёнок,
морок нетрезвых ночей.
Плачет в оставленном доме ребёнок.
— Чей это мальчик?
— Ничей.
Невыносимая воля в остроге,
вязь бестолковых речей.
— Чей это воин,
слепой и безногий,
помощи просит?
— Ничей.
Словно во сне великана связали,
гогот вокруг дурачья.
— Чья это девочка
спит на вокзале
в душном бедламе?
— Ничья.
Остервенело
в рассудке и силе

продали это и то.
— Кто погребён
в безымянной могиле
без отпеванья?
— Никто.
Родина!
Церкви, и доли, и пожни,
рощи, овраги ручьи...
Были мы русские,
были мы Божьи.
Как оказались ничьи?

* * *

Тропа с холма сбегает вниз полого,
А дальше степь без края и конца.
Сухой и жёсткий куст чертополоха
Качнётся вдруг у самого лица.

Бери копьё иль уповай на милость
Врагов, что в прах стирают города...
Здесь ничего почти не изменилось
За сотни лет —
Всё так же, как тогда.

Так — да не так:
Враг обернулся бесом,
Перехитрил Ивана-удальца.
Живое поле зарастает лесом,
Мелеют реки, души и сердца.

Там, далеко, шумит-гремит столица,
Она щедра для слуг, а не служак.
Куда идти?
Каким богам молиться?
Где в этой смуте войско и вожак?

Всё верится: вот-вот блеснут кольчуги,
Тугие стрелы воздух разорвут...
Но тишина давным-давно в округе
Та самая, что мёртвою зовут.

По всей степи кусты чертополоха,
Сойдешь с коня — утонешь с головой.
Густеет тьма.
Кончается эпоха.
И колокол расколот вечевой.

* * *

Вот за этой стеною
Жил с детьми и женой,
Ну а всё остальное
Лишь придумано мной.

В суете, круговерти,
В назидание вам,
Потому и не верьте
Ни делам, ни словам.

Объясняю, как судьям,
Каждый сделанный шаг:

Это не было сутью —
Только видится так.

То тюремщик, то узник
На нестрашном суде,
Так и не был я узнан
Никогда и нигде.

Даже там, за стеною,
При бессонной свече
Всё придумано мною
Неизвестно зачем.

* * *

Небеса набухшей парусиною
Тянут лето красное на дно.
Залетело пёрышко гусиное
В полуотворённое окно.

Прошрое связав и настоящее,
Отлучив на миг от суеты —
Лёгкое, весёлое, манящее
Несказанным светом высоты.

От неё отвык я, как и водится —
Человек обычный, во плоти.
Ветер набежит, и распогодится:
Поднимайся, пёрышко, лети!

Ах, душа, омытая печалью,
Что ж ты полюбила гладь да тишь?
В свой черёд
За дальними причалами
Пёрышком по небу полетишь.

Время будто надвое расколется,
Но, не ошибаясь и во тьме,
Проплывёшь над милою околицей,
Над церквушкой тихой на холме.

Над остывшим полем, над Россиею,
Надо всем, что в жизни нам дано...
Залетело пёрышко гусиное
В полуотворённое окно.

Геннадий ОСТРОВСКИЙ

(Белгород)
(1950—2002)

Островский Геннадий Владимирович родился в Белгороде в 1950 году. После школы служил в армии. Поступил затем в Литературный институт им. Горького в Москве, заочно. Прочувшись несколько лет, вернулся в Белгород.

Работал журналистом, лит.сотрудником в областных газетах.

Автор нескольких поэтических книг. Член СП России.

Преждевременно умер в январе 2002 года.

Как и в случае с Николаем Зиновьевым из Краснодарского края, о поэте Геннадии Островском я узнал от писателя и критика Петра Ткаченко. Уже большая часть материала была готова в черновиках, оставалось отыскать два—три ярких поэта. И тут, при одной из наших телефонных бесед с Ткаченко, я снова услышал это имя — Геннадий Островский. Оказалось, поэт жил в Белгороде. Ушёл из жизни до обидного рано, в 2002 году, не дожив до 52-х лет. А знакомство их состоялось еще в 70-е годы, в Литературном институте, в Москве, куда они оба были благополучно зачислены: Островский на отделение поэзии, Ткаченко — критики. Со слов Петра Ткаченко, Геннадий Островский уже тогда выделялся из институтской поэтической среды своей творческой зрелостью. К счастью, их литературная связь продолжалась и после института, в основном через письма.

В 2000 году Островский выслал Ткаченко вышедшую в Белгороде книгу своих избранных стихотворений “На единст-

венной земле?”. Она оказалась последней прижизненной книгой поэта...

И вот я листаю её страницы, перечитываю ещё раз полюбившиеся мне стихи... Удивительно, насколько у истинно глубоких поэтов наличествует дар предвидения, предугадывания своей судьбы. Отсюда полное отсутствие тревоги и страха перед смертью. Напротив, стихи пронзительно чисты, светлы и безмятежны, как лик утренней природы. Остаётся только шлейф грусти и беспокойства, не за себя, а за тех, кто дороги поэту, за их мученическую долю в отстаивании человеческого в Человеке. Стихи Геннадия Островского хороши своей пространственной философичностью. В них много воздуха и полёта, а значит и масштабности внутреннего зрения. Поэт по тютчевски зорок и по-фетовски непринуждённо элегантен и трогателен в своих поэтических странствиях. При всей кажущейся текстовой неназванности, есть чёткое понимание, что это русские стихи, написанные русским поэтом о сокровенно русском. На мой взгляд, это крайне важно, особенно в нынешнем литературно-поэтическом пространстве. Коварное нашествие чужеземных орд космополитизма и глобализма уже нанесло трудно восполнимый урон русской поэтической культуре. Сколько кануло в бездну (и еще канет) одарённых художников слова, преимущественно молодых, легковёрно потянувшихся к зыбкой пёстрой заморской стилистической мишуре, уводящей заблудшую душу всё дальше от «отеческих могил» к губительному краю саморазрушения.

Именно своей родниковой незамутнённости и верозаступничеством отличаются многие строки Геннадия Островского, до конца стоявшего на одной из многих безымянных высот поэтической России.

* * *

Поля и холмы исходив и излазив,
Как вор осторожный в богатом дому,
Тяжёлой дорогой, разбухшей от грязи,
Я вновь возвращаюсь к себе самому...
Пусть я пропаду, пусть мой голос надтреснет,
Но ветер молчит у меня за спиной,
Пока я хочу величальную песней
Приветствовать всё, что случится со мной.
И горбится книзу кривая дорога,
И кто-то свистит, что уже не успеть...
Мы все — в полувздохе от Господа Бога,
Так что же теперь напоследок не спеть!
Бессмертье души... И простора безбрежность
С глухими лесами по обе руки.
Пусть к горлу прильнёт запоздалая нежность
И скажется вздохом,
Как те огоньки
В кромешной ночи за седыми холмами,
Как шёпот крыла у слепого птенца...
И снова задышит земля под ногами,
И выплывет свет дорогого лица...
Я руки раскину, как дерево ветви,
Я буду как небо — простором богат,
Пока надо мной восходящие ветры
Сквозь синюю мглу до небес долетят...

ВОРСКЛА. 12 НОЯБРЯ

Как плачут небеса, как воеет непогода
Над мрачной тишиной обветренных полей!
...Как ночи глубоки! Как будто ждёт природа,
Когда падут снега на родине моей.

Высокие снега...
Как вольно и печально
Из тьмы небытия и холода веков
Течёт моя река у скифского кургана
И все мои следы смывает с берегов.

Мне кажется теперь: я — сын её последний,
И в рокоте волны, несущейся во мглу,
Я слышу долгий гул грядущих потрясений,
И эти берега покинуть не могу.

Последнее тепло ещё, как свет, сочится
С разграбленных берёз и тает на ветрах
Разбойных,
А луна, как чуткая волчица,
Пьёт жадно из реки в высоких камышах.

И слышен шум воды, и слышен дух полынный.
И только никогда уже не услышать,
Как вскинулась душа и канула в глубины —
И рухнула волна, повернутая вспять...

Я молча провожу задумчивые воды
За сумрачный курган — на край земных огней.
...Как ночи глубоки! Как будто ждёт природа,
Когда падут снега на родине моей.

* * *

Я умер. Я был этой жизнью убитый
И зло проходил по вечерней пыли.
Так тени проходят — давно позабытых —
По сумрачным кладбищам русской земли.

Ещё волновалась словесная слякоть,
Ещё обымали веков голоса.
Но — не о чем думать
И нечем заплакать,
И некуда спрятать от Бога глаза...

А сумрак летел через море и сушу,
А ветер скулил через жалкую плоть,
Да старец какой-то за милую душу
Протягивал нищему хлеба ломоть.

* * *

Что делать, брат? Молчат поля.
Кругом одни плохие вести.
Куда теперь летит земля?
Куда летим с тобою вместе?

Не знаю я, что делать мне...
Кто свет любви от мира прячет?
Приложишь ухо к тишине —
Услышишь только лай собачий.

Неужто прошлое сгубить?
Душой не верить даже Богу?

Да пьяным смехом веселить
Вовсю разбитую дорогу?

Иль, мрачно голову склоня,
Перекреститься на долину?
Что делать, брат? Не знаю я.
И только ветер дует в спину.

НОЧНОЙ ВЕТЕР

О чём шумишь ты, ветер поздний,
О чём поведать хочешь нам
Среди холодной ночи звёздной,
Скитаясь дико по холмам?
Я выйду в ночь, где шум тревожный,
Где листья липы и трава,
И у деревьев придорожных
Услышу вещие слова —
О том, что в сердце отболело,
О первой радостной любви,
И пусть моё застынет тело,
Как руки белые твои, —
Я буду знать, что будет в мае,
Зачем темно по сторонам,
О чём шумят, не умолкая,
Ночные ветры по холмам...

УТРО

Тишина ли белая на луга наброшена,
Пух ли тополиный на луга опал...
Ветерок качается на траве некошеной,
Огонёк за речкою вспыхнул и пропал.

Словно ненароком родиной утерянный,
А теперь вернувшийся через сотню лет, —
Я стою у берега, как лесное дерево,
В ком
тепло вчерашнее и вчерашний свет.

* * *

...И таял свет в лесном провале,
И голубела ночь, когда
Живые звёзды расцветали
На глади старого пруда,
И, тёмная, на косогоре,
Встревоженная в поздний час,
Трава, тяжёлая, как море,
Росой захлёстывала нас,
И на луга сбегала с нами,
И уплывала из-под рук,
Пока за синими дымами
Заря не вспыхивала вдруг —
Безумно, яростно, нетленно,
Она гудела и рвалась, —
Как бы душа самой вселенной
Через простор перелилась...

* * *

День высокий, побудь со мной
Свистом, шелестом, разговором,
Вьюжным снегом меня умой,
Напой ледяным простором!
Дай коснуться твоих высот,
Как снежинка, взмывая круто,
Чтоб во мгле ощутить полёт
Света, бьющего ниоткуда.
Чтобы сердце
В вечерний час,
Замирая и холодея,
Словно в самый последний раз —
Оглядело свои владенья.
А потом
Навсегда верни
Ту дорогу
В сугробах вязких,
Где аукаются огни
Непокинутых хат крестьянских...
Ту дороженьку,
Где метель
Растревоженными ночами
Поля русского колыбель,
Укрывая собой, качает...

* * *

Не для того ль весна пришла,
Чтобы усталыми руками
Порыться в ящичке стола,
Обклеить комнату стихами;

Забывать любовь и непокой,
Играя в жмурки с целым светом,
И непечатною строкой
Сказать, что думаешь об этом.

Что наилучшее из бед —
В ненастье выбраться из дому
И вдруг понять: спасенья нет
От жадной нежности к живому.

* * *

И даже через сотню лет
Мне будет ничего не надо,
Как только видеть белый свет
И слышать тишину над садом.

И перекрестит даль рука,
И вытру я живые слёзы
О дуновенье ветерка,
Едва слетевшего с берёзы...

ИЗ ПРОШЛОГО

На дарёной земле ничего не прошу —
Ни любви, ни терпенья, ни хлеба.
На вершине холма в душных травах лежу
И смотрю в раскалённое небо.

Как далёко вокруг разбежалась земля!
Как легко без житейского вздора!
Вольный коршун летит, чуть крылом шевеля,
Через бездну тепла и простора.

Загустели, как мёд, в синеве облака
И колышется солнце меж ними...
А душа у тебя — словно воздух легка —
Повторяет любимое имя.

И лежу я, лучами пронзённый насквозь,
Говорю с этой древней травой,
И не ведаю, сколько веков пронеслось
Над счастливой моей головою...

...В лик седого холма запекается зной
И стекает по склону потоком,
И бегут, спотыкаясь, ромашки за мной,
И теряются в поле широком...

ВЕТЕР

Притаились холмы под луною немой,
Разошлись вековые просторы.
Тишина... Я один. Только ветер ночной
Затекает со мной разговоры.

Засвистит он во тьме над моею душой —
И зайдёт душа от испуга.
Ветер, громче свисти! В этой жизни земной
Никогда не понять нам друг друга.

Взвейся в темень сырую пустынных небес —
От меня не дождёшься ответа —
Иль над храмом старинным разбейся о крест
И лети во все стороны света!

Что за радость, скажи, по дорогам стенать?
Как тебя понимать человеку,
Если здесь, на земле, не могу я понять
Дорогого собрата по веку?

Если здесь, на земле, где цветы и трава,
Потихоньку любовь убывает,
И лихие, как ты, ножевые слова
Без разбору людей убивают...

Не щадят даже малой кровинки родной,
Не страшась даже с Богом раздора...
...Тишина... Я один. Только ветер ночной
Затекает со мной разговоры.

АФАНАСИЙ ФЕТ

Кто чудным чувством воссиял
На грани голоса и слуха
И мрак сомненья разогнал
Могучими крылами духа —
Тот властен вешнею листвою
В людскую грудь вливать волненье
И радостно в тиши земной
Незамутнённой чистотой
Поить иные поколения...

* * *

Ах, как мне хочется обнять
Метель, летящую над полем
И вместе с нею горевать
О том, что трудно нам обоим;

Что наши кончатся пути,
Что наши сроки на исходе...
Лети, красавица, свисти
И пой о собственной свободе!

Глухими ставнями греми,
Захолоди меня до дрожи
И падай на руки мои —
Ты мне теперь всего дороже...

ДРУГУ-ПОЭТУ

Сожмись в комочек и терпи
Весь этот бред, летящий в души.
Скажи душе своей: не спи!
И только даль родную слушай,
Да в небо звёздное гляди,
Палящее над тихим кровом,
И что там будет впереди, —
Не назови случайным словом;
И пусть слова в ночной тиши,
Плоть на бумаге обретая,
С твоей взволнованной души,
Как листья с дерева, слетают...

ПУТЬ

М. Д.

Летишь, как ангел, высоко...
А путь — и сумрачен, и труден.
Взирая зорко, широко,
Ты вдохновенно и легко
Себя раздариваешь людям.

Летишь над далью гиблых мест
Без видимого всем усилья,
И вечный свет струят окрест
Твои уверенные крылья...

ПРЕДЧУВСТВИЕ

В. К.

Сгорят во мгле мои года,
Померкнет даль, растает вьюга,
Пройдут века — но никогда
Народы не поймут друг друга.

И может быть, душою я
Увижу, как в огнях заката
Пустынным кладбищем земля
Летит меж звёздами куда-то...

А может, зрак самой далё
Увидит, ясный и нетленный,
Как вихрь, сорвавшийся с земли,
Несёт её за край вселенной...

* * *

Я вас люблю, мои леса,
Мои дожди ночные,
Где все лесные голоса
Становятся живыми,
Когда с низин
Туман грибной
Потащит на рассвете
Почти прозрачной
тишиной
Наполненные сети...

НА ХОЛМЕ

1

Как будто Храм золотоголовый —
Мерцает облако вдали.
А опрокинутые травы
Свистят в серебряной пыли.

Тревожный ветер не смолкает,
А налетает горячей,
О камни острые ломая
Солому солнечных лучей...

2

Тепло весеннее, и утро, и туман,
И солнце зацветает над полями,
И тишины глубокий океан
Колышется над белыми холмами.

Дороги тонут в солнечном огне,
Протаяли просторы снеговые,
Пока душа свободная во мне
Даль раздвигала
За края земные...

КОГДА ТЫ ВСПОМНИШЬ...

Природа знает не знает о былом
Ф. И. Тютчев

Листва в лесах заговорит
И ласточка в зенит ворвётся,
И снова в травах зазвенит
Дождями вымытое солнце,
И гул накатит, и душа
Уже откликнуться готова
На шумный шелест камыша
Дыханием живого слова
И раствориться в нём, пока
Над говором речной излуки
Рождаются издалека
В былом затерянные звуки...
Я их услышу и пойму,
Как всё, что в памяти не стёрло,
Так хочет жить! И почему
Так перехватывает горло,
Когда повеет вдруг теплом
С холма заснеженного, или
Когда ты вспомнишь, что в былом
Тебя давным-давно забыли...

* * *

Я не люблю стихов колючих,
Угрюмых, с плесенью обид —
Как будто кто-то невезучий
Из-за угла вослед глядит.

Но я люблю, когда глубоко
И с высоты — не свысока —
Меня пронзит строкою Блока
Необъяснимая тоска;

Как будто, вспарывая дали,
В течение мига одного
Со всех деревьев листья пали,
И ты не понял ничего.

* * *

Шорох листьев опавших в рассветном лесу,
Вздохи ветра у резвой протоки.
Держит солнечный лучик меня на весу
И качает у края дороги.

Даль встречает меня и несёт на крыле —
Мне спокойно, и сердце не студит,
И не больно совсем, что меня на земле
Никогда уже больше не будет.

Валерий САМАРИН

(Рязанская область)

Самарин Валерий Серафимович родился в с. Нижние Мельницы Белгородской области в 1952 г. С 1962г. проживает на Рязанищине. После окончания средней школы служил в рядах Советской Армии. Заочно окончил Рязанский государственный педагогический институт. Работал грузчиком, лесорубом, крановщиком, учителем, редактором издательства.

Печатался во многих российских литературных изданиях. Автор шести поэтических книг. Лауреат издательства «Молодая гвардия» в номинации лучшая поэтическая книга года за 1988г., а также международной премии им. А. Платонова за 1998г. и премии им. С. Есенина журнала «Молодая гвардия» за 2000 г. Член СП России.

Живёт в посёлке Ласковский Рязанской обл.

Впервые о поэте Валерии Самарине я услышал от его земляка, также поэта, Сергея Агальцова в 2008 году. Где-то в это же время прочитал подборку стихов Самарина в Литературной газете. Некоторые из этих стихотворений по-хорошему зацепили своей целомудренной русскостью, приверженностью к верозаступничеству, как внутри духовного поля человека, так и внутри окружающей его матушки-природы.

Поэт истинно крестьянской основы, (как я его обозначил для себя — сельский интеллигент), далёкий от литературно-писательского чванства, Валерий Самарин несёт в своих стихах подлинный, глубинный свет русской окраины. Ни на минуту не выпадая, не теряя кровных связей с классической поэтической традицией, поэт бережно лелеет в себе этот тихий, неброский голос гармонии и первородства, всего того, что без-

рассудно изгоняется, якобы за ненужностью, из культурного поля обездоленной России.

Я знаю немало добротных, страстных, с претензией на глубину «поэтов-русаков», готовых денно и нощно с трибун мегаполисов взывать к толпе во спасение под вспышки софитов и фотокамер, не брезгающих после выступлений вкушать дары их гонителей. Поэт Валерий Самарин не из их числа. Он, и ему подобные, ни к кому не взывают, никого не крестят и не поносят, они обращены внутрь себя, молчаливо и уединённо неся свой поэтический крест самопознания и покаяния, через которые только и возможно остаться Человеком...

Впервые с Самариным я встретился осенью 2009 года на есенинских днях в Константиново. Нас познакомил Евгений Юшин. Валерий подписал мне только что вышедшую свою книгу избранных стихов. Я смотрел в его доброе без тени тщеславия лицо, на его разбитые тяжёлым крестьянским трудом ладони, на весь его неприметный, не фасонистый облик и ловил себя на мысли, что если ещё и осталось где-то русское счастье, то оно непременно должно жить на Мещёре, под стрехой деревенской избы русского поэта Валерия Самарина.

* * *

Да, есть любовь, и я её не скрою
И землю, как умею, воспою —
Не потому, что я чего-то стою,
А потому, что я на ней стою!

А потому, что бегал по тропинке
Я босоногим около села.
Зачем ногам громоздкие ботинки,
Когда земля, как печь, была тепла?

Не зря, когда из речки многоводной
Я выходил, чтоб на песке прилечь,
Казалось, будто с улицы холодной
Ложился на протопленную печь!

И сквозь тепло, сквозь дрёму полусонья
Я чувствовал, что речка ждёт меня,
Ведь надо мной всю горело солнце —
Горячее, живое сердце дня!

Но сердце-то моё живее было!
И петь, хотела петь моя душа
О том, как речка нежно теребила
Расслабленные листья камыша.

О том, что сердце вряд ли успокоишь.
Ведь рядом речка, солнце и камыш.
И, слава Богу, сам чего-то стоишь,
Уж коли на земле такой стоишь!

* * *

Продрогла вся моя изба.
Печь затопить необходимо,
Чтоб небу красная труба
Несла седой букетик дыма!

А дров достаточно. Едва
Поджёт я лёгкие полешки —
И хорошо горят дрова,
Как будто щёлкают орешки!

Для мальчика тропинка коротка
И для меня не слишком длинновата.
И светится, о жизнь, твоя река,
И грустно знать, что нету ей возврата...

ВОРОБЕЙ

Непринуждённо кровь мою
Зима сегодня взволновала:
Я крошку бросил воробью —
Снежинка белая склевала!

Подбросил снова крошку я,
Как добрый и весёлый дядя,
На этот праздник бытия
Восторженным ребёнком глядя.

И эту крошку на лету
Укрыл надёжно снег холодный.
Принёс на землю красоту.
А воробей опять голодный...

* * *

Есть утра
Чистое мгновенье,
Когда от солнца
Свет в стекле
Несёт надежду

И прощенье
Всем грешным людям
На земле.

Пусть ночь была
Чернее сажи.
Но мир сияет
В этот миг,
Как будто только что
Из пряжи,
Из плоти солнечной
Возник!

И, славя ясный миг
Рожденья,
Все птицы, кажется,
Кричат:
Не надо никому
Прощенья,
Никто ещё
Не виноват.

Никто не мается
Под ношей
Своих грехов,
Сомнений, бед...
Спасибо солнцу
За хороший,
Как знак прощенья,
Чистый свет!

ДРОВА

И вновь в печи горят дрова.
Который год на их свеченье
Смотрю, смотрю, как на слова,
Пытаясь вникнуть в их значенье.

И понимаю не спеша:
Теряю что-то с каждым годом...
И дым из печки, как душа,
Несётся в небо чёрным ходом!

ЛЕСНИК

Озеро и домик лесника.
Лес над домом. Всё здесь по-земному.
И зачем летать за облака,
Если облака подходят к дому,

Отражаясь в солнечной воде,
Где гурьбою ходят окунята.
И проводит жизнь свою в труде
Солнце от зари и до заката.

И открылась дверь. И сам лесник
У колодца произносит слово,
Что летит ко мне, как птичий крик,
Из глубин пространства мирового.

В нём есть соль: покинул он Москву
И живёт здесь уже четверть века.

Истинно, что, слушая листву,
Он в себе увидел человека.

Истинно, что от Москвы вдали
Этот житель, подлинно московский,
Отыскал клочок своей земли,
Как писатель славный Паустовский.

И не скучно мне, — он так сказал. —
Захочу найти живую душу,
То поеду, словно на вокзал,
К Вам, в Требухино или в Криушу.

Вот такое сердце лесника,
Что в своё предназначенье верит.
И тропа к душе его близка,
Как воде озёрной близок берег.

ИЗБА

В избе на белый свет родиться,
Пожить в избе,
Тогда изба —
Не только стол, но и столица.
Не только жизнь,
Но и судьба.

Я помню:
Тёмная солома
Служила крышей...
И тогда

Возникло в сердце чувство дома
Глубоким светлым —
Навсегда.

Ведь это чувство —
В кровной связи
И с чувством матери моей,
И с чувством Родины,
А разве
Есть что-нибудь его светлей?

* * *

Я дал отдушину реке —
Я сделал прорубь,
Словно кадку.
Мороз скрипит невдалеке,
Мол, всё равно
Поставлю латку.

А я другой мечтой
Влеком,
Что в прорубь эту,
Как в окошко,
Глядит под низким
Потолком
С душой восторженной
Рыбёшка.

Я представляю:
Всюду льды,

А здесь рыбёшке —
Удивленье.
Быть может,
Прыгнет из воды
Хотя бы на одно
Мгновенье?

Всерьёз взбудрила бы
Меня,
Как проявление
Свободы,
Как знак душевного
Огня
И торжества живой
Природы...

* * *

На Руси настроенье не то,
Чтобы слушать гармонию на скамейке.
Да и холодно: ходят в пальто
Или чаще — в простой телогрейке.

Вот идёт мой сосед, человек
С мрачным видом, в фуфайке землистой,
На которую падает снег —
И на миг она выглядит чистой.

И спросил я шутя: — Что за гость
На земле моей снежной и зыбкой? —
И лицо его сразу зажглось
Простодушной и ясной улыбкой!

Я увидел доверчивый свет
В глубине оживлённого взора
И подумал: а, может быть, нет
На Руси никакого раздора?

И тревога, что властвует мной,
Отзывается болью напрасной,
Если взгляд человека иной,
Удивительно чистый и ясный?

Так бывает: стоишь на земле,
Видя тучек волнистые стайки,
От которых всё небо во мгле
Тоже кажется в грязной фуфайке.

Но как будто весёлая мысль
Овладеет пространством усталым —
И появится солнце, и высь
Озарится огнём небывалым!

ЧИЩУ ПЕЧЬ

Сегодня чистил дымоход
И сразу видно: был при деле.
Я чищу печку каждый год,
Чтоб хорошо дрова горели.

Уже улёгся первый снег
Красивым слоем белой пряжи...
А я-то, сельский человек,
Бух на него ведёрко сажи!

Померк зимы живой привет,
Весёлый праздник с небосвода.
На белом фоне сажи след,
Как ложка дёгтя в бочке мёда!

Я смял картину бытия
И уходил от тёмной сажи
С такой душой, как будто я
Испортил все кругом пейзажи!

Печь затопил я, и в огне,
Казалось мне, плясали черти...
Душа не печка, только мне
Возиться с ней до самой смерти.

СТАРЫЙ САД

О, старый сад!.. Но лишь расцвёл —
Прекрасен стал, не узнаваем:
Звенит полётом ос и пчёл,
Медовым пахнет караваем!

В былое возвращает сад:
Порой мне кажется, что рядом
Поют невесты и глядят
На этот мир весёлым взглядом.

И благо мне: стоит одна,
Одетая нарядной вишней,
Что мне в дорогу суждена,
Что дал для жизни мне Всевышний!

Бывало так: поймаю взгляд —
И светом полнится дорога...
Спасибо саду! Этот сад
Не зря напомнил мне про Бога,

Про звёзды во вселенской мгле,
Внушающие мне годами,
Что смысл жизни на земле —
С детьми, с деревьями, с цветами.

И я, когда мороз был зол,
Боялся: вдруг деревья сгложет...
Но сад всей правдою расцвел,
А правда лживой быть не может!

ГРОЗА

Я проходил мешчерский лес
Просторный или буреломный...
Шло много света от небес
И лес сначала не был тёмным.

Но день мутился: в вышине
Гроза вовсю заговорила —
И сразу стало ясно мне,
Какая в ней таится сила.

Не зря огромная сосна
Вдруг покачнулась под грозою —
И вздрогнул я, когда она
Упала рядышком со мною!

И вспышка молнии, как весть
Из края тёмного природы,
Напомнила мне, где-то есть
Совсем иная грань свободы...

Её доподлинный язык
Звучал так дико и сурово —
Как бы внушал мне: мир возник
Не из-за божеского слова.

Стоял я, громом потрясён,
Войдя в дождя живые реки —
И мысль о Боге вышла вон,
И мысль пришла о человеке,

Который здесь, в лесу глухом,
Стоял отнюдь не хищным зверем,
А лишь беспомощным зверьком,
Ни в чём хорошем не уверен.

Но в дебрях каждого куста
Во всеохватном освещенье
Он видел всё-таки Христа
С его надеждой на спасенье...

* * *

Зажёг костёр в ночи — и вот,
Огнём надёжным подпоясан,
Уже он гасит небосвод
Весёлым, неуёмным плясом.

И там, где плещется огонь,
Держу я так свои ладони,
Как будто предо мной гармонь —
И я играю на гармонии.

Хоть нет поблизости жилья,
Но есть костёр, как свет в окошке —
И жизнь свою играю я
Прозрачно на его гармошке.

И так, как ловят божий свет,
Ловлю её живые звуки,
В которых радость детских лет
Вдруг перешла в печаль разлуки.

Костёр погас — и вновь зажглось
Небес загадочное царство...
Иду туда я, словно гость,
Земные одолев пространства.

И, словно видя чей-то взор,
Я говорю пред небом вечным,
Что был у жизни всякий сор,
Но он сгорел в огне сердечном.

Евгений СЕМИЧЕВ

(г. Новокуйбышевск, Самарская обл.)

Семичев Евгений Николаевич родился в 1952 году на Волге. Закончил Куйбышевский институт культуры, а в 1997 году и Высшие литературные курсы при Литературном институте в Москве (семинар Юрия Кузнецова).

Автор многих поэтических сборников. Член СП России. Лауреат нескольких Всероссийских литературных премий.

Живёт в г. Новокуйбышевск Самарской области.

Это имя за последние пять лет не пропадало со страниц поэтических рубрик, благодарно звучало из уст ведомственной критики, обрастало лестными эпитетами в среде российских поэтов. С подозрением относящийся к номенклатурно навязанным талантам и к напускной шумихе вокруг подобных имён, я не сразу откликнулся на разного рода презентации и лауреатские награждения в Москве, относящиеся в определённой степени и к Евгению Семичеву. Но настойчиво позитивные отзывы уважаемых мной поэтов всё же заставили меня приглядеться к волжскому автору попристальнее. Помог случай. От имени Академии Поэзии я написал письмо Семичеву и Диане Кан (его жене) с просьбой для готовящейся Антологии русской поэзии выслать книги стихов. И вскоре новые книжки избранного от четы поэтов я держал в руках.

В два вечера, с редким удовольствием, я буквально «проглотил» книгу Семичева «Небесная твердь». Её многие стихи не оставляли никакого сомнения, что в России вызрел яркий самобытный поэт, с широким диапазоном поэтического голоса,

подкупающего своей естественностью интонаций и национальным самосознанием. Откровенно порадовало, что наряду с открытием поэта Николая Зиновьева из Краснодарского края, Союз писателей России явно угадал и с поэтом из Новокуйбышевска Евгением Семичевым.

Есть хорошие авторы стихов, плодотворно годами насыляющие дарованный им свыше единственный творческий дар. То ли это свежая образная живопись, то ли ритмическая раскованность, то ли музыкально-языковая гармония, то ли философская афористичность и т.п. Поэт с большой буквы всегда наличествует в себе полный спектр этих добродетелей, абсолютно взаимоорганичных.

Не скажу, что Евгений Семичев до конца достиг этой гармонии, но его приближение к ней не может не радовать чутких к поэтическому слову читателей. Что-то уловимо общее, лежащее в плоскости природного таланта роднит поэтику Николая Дмитриева и Семичева. Умение простыми словами сказать о сложном, глубоком при наименьших затратах внешней драпировки, и при этом не утрачивая смыслового и душевного колорита строк, не это ли верный признак поэтического мастерства? И еще один крайне важный, хотя и трудно, и не всеми определяемый вектор таланта поэта, а именно — умение (на генетическом уровне) органично переключать чувственную и мыслительную составляющие строк в их поступательной стихии слова.

* * *

Дождик не просто траву поливает.
Он нашу жизнь к небесам пришивает.
Небо и землю, как две половинки,
Ангел сшивает на швейной машинке,
Чтоб на одном полотне мироздания
Соединились все Божьи создания.
И под Пречистым Всевидящим взором
Мир засиял полноцветным узором.
Чтобы какой-нибудь чуткий художник
Прямо под дождик поставил треножник.
И — перенёс на сырую холстину
Щедрого Божьего мира картину.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Мне снятся
Крестный ход
И мальчик невесёлый.
Ему десятый год,
А крест такой тяжёлый.

Хоругви за спиной
Плывут во мгле окрестной.
И горек край земной,
И сладок рай небесный.

А голос с небеси —
Суровая громада:

— Неси свой крест, неси,
Возлюбленное чадо!

И надо крест нести,
И горбиться под ношей.
Господь, его прости.
Я знаю: он хороший.

Вокруг клубится мрак.
Вся в рытвинах дорога.
Ему охота так
Пожить еще немного.

Его терзает дрожь,
А крест такой тяжелый...
Он на меня похож —
Тот мальчик невеселый.

Зачем, являя мне
Моё изображение,
Он мучает во сне
Моё воображение?

Над ним моя звезда.
И никуда не деться...
От Страшного Суда
Нам с ним не отвертеться.

А мне десятый год.
А мне пожить бы надо.
Вдали дрожит восход
Печально, как лампада.

Колышутся дымы
Над кровлями избёнок.
Народу тьмы и тьмы...
...А крест несёт ребёнок!

ПРАЗДНИК

Чем так встревожены птахи?
Ясно любому ежу —
Это я в красной рубахе
Тихо на небе лежу.

Облако белое справа.
Млечная вечность оплечь.
Кто умалит моё право
Скромно на небе прилечь?

Облако синее слева
В россыпи звёздных огней.
Вы как хотите,
а с неба
Родину нашу видней.

Нету закона такого,
Чтобы любить запрещал.
И ничего вам другого
В жизни я не обещал!

ПАСХА

По России звон пасхальный.
Поцелуй на меду.
Я весёлый и нахальный
Целовать тебя иду.

Мне сегодня нет отказа.
В Воскресение Христа
Я могу при всех три раза
Пригубить твои уста.

Шелухи яичной крошки.
Взоры томные девиц.
На газонах млеют кошки,
Не гоняют сытых птиц.

Я иду в цветной рубашке,
Ароматный, как цветник,
Три пасхальные рюмахи
Заложив за воротник.

Жарким воском плачут свечи.
Ты печальна, мой дружок?
Обними меня покрепче,
Поцелуй хотя б разок.

СОН

Спит мужик, укрывшись лопухом.
Полдень. Луг. Июнь звенит в зените.
Кто сейчас подумал о плохом,
От стихотворенья отойдите!

Дабы не нарушить краткий сон,
До предела паузу тяните.
Ни подошвой злой, ни колесом
Пред его очами не пылите.

Спящий улыбается мужик,
Отрешившись от забот о хлебе,
Тело его мирно возлежит
На седьмом, на самом светлом небе.

Сон его кузнечики куют,
Ласточки-касаточки свивают.
Ангелы небесные поют,
Пастушки на дудочках играют.

Дабы он увидел, хоть во сне,
То, с чем в этой жизни разминулся.
Кто стоял тихонько в стороне,
Подходите, он уже проснулся!

* * *

Последние осенние денёчки
Лучистые, как свежие пенёчки,
Расколет на поленья истопник —
Известный в нашей местности шутник.

И честно заработанную стопку —
Гори она, неладная, огнём! —
Он опрокинет в глотку, словно в топку,
На угли, что ворочаются в нём.

И сплюнет на траву окурка горечь.
И над собой пошутит: «Будь здоров!
Не кашляй, дорогой Степан Григорьич,
Ты наломал немало в жизни дров...»

* * *

Плакал прошлогодний снег —
Некрасивый, хмурый, старый.
Плакал, словно человек,
Повидавший всё, усталый.

Но, не верящий слезам,
Местный дворник конопатый
Резал,
рвал,
рубил,
терзал —
Добивал его лопатой.

* * *

Лунного света дорожка
Посеребрила жнивье.
В небе открылось окошко.
Это окошко — моё!

Свет заискрился в зените
И отразился в пруду.
Это мой ангел-хранитель
В небе затеплил звезду.

Лёгкими крыльями веет,
Взгляд мой печальный маня.
Может, один он и верит,
Всё ещё верит в меня.

Что я скажу в оправданье?
Чем его боль утолю?
Перед лицом мирозданья
Лишь об одном я молю:

Пусть серебрится дорожка
По вороному жнивью.
Не закрывайся, окошко,
В грешную душу мою!

СКАЗ

Вот и ковёр-самолёт,
И сапоги-сороходы...
Только душа не поёт:
Видно, ей мало свободы!

Пенная брага рекой.
Мёда хмельного колода.
А на душе непокой...
А на хрена ей свобода?

Вот тебе меч-кладенец.
Вот тебе небо в алмазах...
Экий ты ухарь-купец!
Вот навязался, зараза!

Вот тебе лыко в строку
И самобранка-скатёрка.
А сверх того, дураку,
На опохмелку пятёрка.

Что же ты мух ловишь ртом?
Что же ты медлишь с ответом?
Али во сне золотом
Слёзно не грезил об этом?

Глянул дурак в пустоту
И рубанул средь пирушки:
— За вековую мечту
Ты мне суёшь побрякушки.

Экий ты ухарь-купец!
Не продаётся такое.
...Вроде и сказу конец,
А на душе нет покоя!

* * *

Я построил дом на своих костях,
И живу я в нём у себя в гостях.

Под одной стеной шевельнётся кость
В тишине ночной: «Спи спокойно, гость!»

Повернусь спиной, а другая кость
Под другой стеной: «Спи спокойно, гость!»

Вслед им третья кость проскрипит во тьму:
«Спи спокойно, гость. Ты в своём доме.

Был построен он на твоих костях.
То-то сладок сон у себя в гостях!..»

Но застрял мой вздох, как меж рёбер гвоздь.
В Божьем мире Бог — тоже только гость.

И в Его дому — на Его костях
Каково Ему у Него в гостях?

ПОЭТ

По этим ступенькам непрочным,
Ведущим на горестный свет,
По грубо сколоченным строчкам
Спускается с неба поэт.

По лестнице этой отвесной
Усталый, угрюмый, хмельной,
Присыпанный пылью небесной,
Забрызганный грязью земной.

Небритый, потёртый, помятый,
Проклявший себя и свой век,
Такой никому не понятный,
Упрямый шальной человек.

Зачем ему с неба спускаться,
Пускаться в неведомый путь?
Средь добрых людей потолкаться?
Солёного горя хлебнуть?

Сидел бы на облаке млечном,
Ничем никому не мешал.
И людям о добром и вечном
Хорошие мысли внушал.

Так нет же! По лестнице шаткой —
Того и гляди упадёт! —
Он машет приветливо шапкой
И с неба на землю идёт.

По этим ступенькам скрипучим,
Ведущим на горестный свет —
По строчкам своим неминучим
Спускается к людям поэт!

* * *

Оглянусь на промозглом ветру
И швырну свою шапку на ветер.
Только тень я с собой заберу.
Это всё, что имел я на свете.

Остальное бери, вороньё!
Кроме тени моей, остальное.
Побредём мы с ней в царство её,
Промотав моё царство земное.

И когда в роковой Судный День
Я предстану пред Богом несмело,
Бог воскликнет: «Зачем тебе тень?»
Я отвечу: «В ней женщина пела.

И клубились созвездья Твои,
И слезою душа умывалась...
Это тень от небесной любви.
Это всё, что мне в жизни досталось...»

Тень свою и в небесном раю,
Как подарок, сгребу я в охапку...
Уж и так на распыл воронью
Удружил распоследнюю шапку!

КАК ТЫ ХОТЕЛА

Когда душа сольётся с небом
И станет некуда бежать,
Я буду снегом.
Белым снегом,
На синем облаке лежать.

И дядя Жора — местный дворник,
Ушедший до меня во мглу,
Порядка истовый поборник,
Возьмёт лопату и метлу.

Он снег развеет по России,
Как веют манную крупу,
Чтобы архангелы босые
Не приморозили стопу.

И совершив благое дело,
Крутой позёмкою влеком,
Я окажусь, как ты хотела,
Лишь у тебя под каблуком.

И буду снегом,
Чистым снегом
Под каблуком твоим дрожать.
Тогда земля и станет небом,
И будет некуда бежать.

* * *

У осени глаза на мокром месте...
Раскаянью не веря моему,
Все ангелы на небе плачут вместе.
Все люди на земле — по одному.

А я стою и хлопаю глазами,
Бесчувственный безмозглый остолоп,
Весь по макушку залитый слезами...
Какой ещё всемирный ждать потоп?

Один среди земной горючей битвы
В объятиях небесного огня...
Всех праведников слёзные молитвы
Ужель не образумили меня?

Какие жду невысказанные вести,
Чтоб в чувство привести меня смогли?
Какой такой себе стяжаю чести
В глазах моей заплаканной земли?

Где сиротливой Ноева ковчега,
Попавшего в губительный поток,
Сияет безнадежно и плачевно
Последний, с ветки рухнувший, листок.

* * *

Прощайте, друзья! Расставаться пора.
Вы выбрали звонкое завтра.
А мне достаётся глухое вчера,
Я с ним остаюсь безвозвратно.

Нас грудью вскормила Священная Русь...
Вы выбрали свет и свободу.
А я с разорённой страной остаюсь,
Мой Китеж уходит под воду.

Я вас никогда не смогу разлюбить,
Куда б далеко ни уплыли.
И буду в затопленный колокол бить,
Чтоб вы не забыли, кем были.

Господь нас не выдаст, и боров не съест,
Когда в суете канительной
Сверкнёт православного Китежа крест,
Как Родины крестик нательный.

И Китеж всплывёт из былинных глубин,
Взметнув Светлояровы воды.
И скажет: «Я тоже свободу любил,
Но Родина выше свободы!»

ПЛАЩ

Вы думаете, этот плащ —
Моя удачная обновка?
А это синий грустный плащ,
Где сердце сдавлено неловко.

Как камень, стиснутый в праче,
И не иначе, не иначе,
Я перед вами не в плаще,
А в синем плаче, в грустном плаче.

Сейчас я этот плащ сниму,
Оставлю на гвозде в прихожей.
И вас покрепче обниму,
Как гость желанный и пригожий.

А вы всплакнёте, как во сне,
Где мы на много лет моложе.
И вновь поверите, что мне
Вы стали ближе и дороже.

Но этот сон и этот плащ —
Лишь мимолётная тревога.
И я надену синий плащ,
Прощаясь с вами у порога.

И о далёком загрущу...
А вы, желая мне удачу,
Прижмётесь к мокрому плащу
И вдруг поймёте, что я плачу.

* * *

Собаке снится речка, не иначе...
Вот почему, вздымаясь среди сна,
Кольшется ребристо грудь собачья —
Как за волной вздымается волна.

А лодке снится, что она собака,
Прикованная к берегу реки.
И вздрагивают волны среди мрака,
Как вздрагивают спящие щенки.

А человеку снится: гибнут люди
И нету сил скрываться взаперти.
И человек встает, собаку будит,
Спускает лодку на воду с цепи.

* * *

Не знает странствующий снег
В какие странствия пустился.
Ушёл хороший человек,
Ушёл навек и не простился.

Его осиротевший свет
Ко мне доверчиво прижался.
И кто теперь мне даст совет,
Как светом мне распорядиться?

Забыв про ужин и ночлег,
Вдохнув в себя морозный воздух,

Ушёл из дому человек.
Ушёл и заблудился в звёздах.

Но, уходя, оставил свет.
И этот свет во мне не тает.
Не знает странствующий снег,
Кого он мне напоминает.

ТОПОРИК

Россия — это не изба
В глуши заброшенного сада,
А та высокая судьба,
Что заслужить всей жизнью надо.

Но, как в избе, в её судьбе
Под половицей спит топорик.
О, как свистел им на гульбе
Удальный Соловей-разбойник!

Топорик, вложенный во тьму,
Печалью половицу греет.
Не позавидуешь тому,
Кто разбудить его посмеет.

Славян подталкивать к вражде
Да убоится лже-мессия...
Не по своей лихой нужде
На топоре стоит Россия!

КИРПИЧ

Мужичонка на горбу
Прёт лихую домовину...
— Ты кого несёшь в гробу?
— Да свою несу судьбину.

А почто душе опричь
Принимать зазря страданья?
Всякий тащит свой кирпич
На постройку мирозданья.

А завалится стена
Обустроенного рая,
Не моя, ужо, вина:
Знать, земля под ней сырая.

Не за то клянусь судьбу,
Если с раем разминётся.
А за то, что и в гробу
Эта дрянь перевернётся.

Как при жизни невпопад
Эта рвань перевернётся,
В черный смрад, в поганый ад
Пьяной рожею уткнётся.

И почто душе опричь
Возносить над ней рыданья?..
Всякий тащит свой кирпич
На руины мирозданья.

* * *

Сосед уехал на войну.
Там ближе к раю.
Все знают, как спасти страну.
А я не знаю.

Сосед пришёл с войны с клюкой.
Отважно дрался.
Он был в раю одной ногой.
Не удержался.

Пока тащил второй сапог
Из брэнной грязи,
Споткнулся о родной порог
И рухнул наземь.

Перевалился через край.
Отвоевался.
«В гробу я видел этот рай! —
Сосед признался, —

Когда я ехал на войну,
Был ближе к раю
И знал, как мне спасти страну,
Теперь не знаю».

ЗАГАД

Рассвет на востоке пылает.
На западе тлеет закат.
А Русь умирать не желает,
Живёт и живёт наугад.

Её шалый ветер шатает.
Она не считает заплат,
Поскольку доподлинно знает:
Загад не бывает богат.

Блажит, Ваньку-встаньку валяет,
Чаёк попивает впригляд.
А вот умирать не желает...
На кой это надобно ляд?

И в буйство, и в кротость впадает
У жизни на самом краю.
Гадает и не разгадает
Бессмертную душу свою.

То ворон за морем залает,
То вздыбится огненный гад...
А Русь умирать не желает,
Пока не разгадан загад.

КРАЙ

Не надо ни ада, ни рая.
Я был и в аду, и в раю.
Что хата родимая с краю,
Когда вся страна на краю?

Поднявшись на зореньке ранней,
Сутулясь, бреду на закат...
Кто Родину любит — тот крайний.
А крайний во всём виноват.

Ни адом кромешным, ни раем
Вовек не загладить вину.
Не я ли отеческим краем
Свою называю страну?

Не я ли, не я ли, не я ли
Пронёс вас сквозь ад и сквозь рай,
Бескрайние русские дали —
Погибельной пропасти край.

Мир грешный давно б завалился
В провал огнедышащих вод,
Когда б на краю не толпился
Пропащий мой русский народ.

* * *

Один на тёмном берегу —
От молний грозových сполóшном...
За будущим не побегу.
Оно меня отыщет в прошлом.

Не потому, что я устал
Бежать за светом, как собака,
А потому, что перестал
Бояться темноты и мрака.

И на душе моей давно
Зияет мета роковая —
Моё родимое пятно —
Моя Россия вековая.

Она, родная, не таит
Под спудом суетности пошлой,
Что будущему предстоит
В конце концов стать тоже прошлым.

Вот почему на берегу,
Один средь грозового мрака,
За будущим не побегу,
Как за хозяином собака.

Евгений ЮШИН

(Москва)

Юшин Евгений Юрьевич родился в 1955 году в городе Озёры Московской области. Детские годы прошли на Оке и на Воже в рязанской деревне Лужски. Школу и пединститут (историко-филологический факультет) закончил в г. Улан-Удэ.

В 1976—77 годах служил в рядах Советской Армии на Северном Кавказе. С 1978 года работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 году перешёл на работу в журнал «Молодая гвардия», где на данный момент является генеральным директором.

Стихи Е. Юшина широко публиковались в центральных журналах, альманахах и газетах, транслировались по радио и на телевидение, переведены на болгарский, немецкий, французский языки. Он является автором девяти поэтических книг. Е. Юшин — лауреат ряда литературных премий. Среди них: Всероссийская премия Союза писателей России имени Александра Твардовского (1998 г.); премия имени Александра Невского «России верные сыны» (2002 г.); Международная премия имени Андрея Платонова (2005 г.). Член СП России.

Живёт в Москве.

О поэте Евгении Юшине говорят в московских литературных кругах довольно регулярно. Естественно, отголоски этих мнений доходили и до меня. Все сходились в одном, что как поэт он, безусловно, заслуживает пристального внимания. Как-то само собой, через общих приятелей, мы с ним встретились в редакции журнала «Дом Ростовых», в здании Междуна-

родного Сообщества Писательских Союзов, на Поварской. Затем стали встречаться и перезваниваться регулярно. Я знал, что у него вот-вот должна выйти новая книга стихов, приуроченная к его пятидесятилетию. И действительно, вскоре я держал её в руках с дарственной надписью. В отличие от предыдущей, небольшой по объёму, новая книжка была увесистой, крепко скроенной и прекрасно изданной. В ближайшие дни я с большим удовольствием (что бывает не часто) прочитал её. Первое впечатление, что это одна из ярких лирических исповедей, которую мне посчастливилось услышать в последние годы поэтической жизни. Поэт Евгений Юшин не скрывает, что его поэтика лежит в русле есенинского наследия. В подавляющей степени, уходя от настойчивых интонаций, Евгений Юшин создаёт свой, обжитый им не понарошку, а по законам кровного родства, мир русской окраины, каким-то чудом ещё уцелевший на трагических просторах России.

Стихи поэта далеки от эпатажа и завывающей манерности. Их стержень в зрительно-художественном воплощении единой картины бытия глазами её непосредственного землепроходца и землеступника. Взгляд Евгения Юшина по-крестьянски точен и свеж в деталях. Перечитывать его образные картины природы и сельского уклада — редкое удовольствие. Пусть гражданская нота Евгения Юшина звучит не столь выразительно, как его живописная составляющая, но как чуткий художник, он всё глубже и тревожней вглядывается и вслушивается в сполохи времени. Как мне представляется, в постижении этих двух начал и таится недюжинный потенциал талантливого поэта.

* * *

Огневица прошла по лесам и болотам Мещёры,
Запалила брусничные угли в сосновых борах.
От Криуши до Сынтула солнце накрыло озёра
И в берёзах заветрилось золото на куполах.

Стали травы кудлаты и путаны, словно овчины.
И упруги, как юные груди, холмы облаков.
И набухли соски, засидевшейся в девках рябины,
И хмелеют ветра от настоя лесных кабаков.

И тяжёлые, чёрные грузди настырно, угрюмо
Прорывают покров под тяжёлым напором земли.
И в пыли тополиной негромкая, древняя Тума
В бортовые машины ссыпает тугие кули.

Кулаки золотистой картошки, литая капуста...
Колокольные звоны и звоны осенних берёз.
Пролетят журавли — вот и снова становится пусто,
Только синие лужи поутру облизет мороз.

А вдали, на реке, где-то в Клепиках или в излучке
У Мартына привольного бьются о берег мальки.
И стоят в торфяном полумраке зубастые щуки,
Неподвижные щуки, тяжёлые, как топляки.

Вот и гуси летят, оглашая прощанием веси,
Вот и серые гуси родную покинули сень.
А под ними лесов и болот неумолчная песня,
А под ними плывут и плывут образа деревень.

* * *

Сергею Никоненко

Я родился, как всякий русский,
За рекою, за лесом — там
Облака голубой капустой
Плавно катятся по волнам.

Там у нас пузыри в кадушках,
И за плёсами, за мостом
Мечет солнце икру по кружкам,
Бьёт стерлядка косым хвостом.

Разойдись, расступись, столица!
В мире каждому ведом рай.
Дайте родиной насладиться,
Накружиться средь птичьих стай!

Там, за дальними небесами,
Где медведи пасут коров,
Я услышу хоры Рязани,
Словно гулкую в жилах кровь.

Что за песня? Пойду я следом
И прислышится невзначай:
Тихо бабушка шепчет деду:
— Люльку с мальчиком покачай.

Это я там проснулся, что ли?
И закружится потолок,
И застонет в копытах поле,
И в глаза полетит песок.

Эта скачка на смерть похожа.
Жжёт десницу звезда полей.
И — ножом по ухмыльной роже —
Пляшет во поле Челубей.

Мы такое не раз видали:
Луч у ворона на крыле
И рязанские свищут дали
На ордынской, дрожа, стреле.

Русь! Пора за себя, за брата
Постоять, разогнать чертей!
Эко пашня твоя разъята!
Эко мутен стал твой ручей!

Я кричу! Я вздымаю руки,
Поднимаюсь на смертный бой!
... Дед спросонья качает люльку,
Шепчет бабушка: — Спи, родной. —

Их любовь мне и рай, и лето.
Сердце бьётся ровней, теплей.
Так спасибо, Господь, за это,
На душе мне теперь светлей.

Вот идут косари туманом,
Растворяют себе простор.
И татарник по злым бурьянам
Мёртвый падает под бугор.

Время движет, снега несутся,
Рвут столетия, в прах круша.

Но не может душа проснуться,
Как не может уснуть душа.

В этом снеге француз и немец
Опочили в полях Руси.
Шепчет бабушка: — Спи, мой месяц.
От лихого тебя спаси. —

Я люблю этот край подсвешный,
Где на взгорок через луга
На молебен рядком неспешным,
Как монахи, идут стога.

Я люблю эту дымку, заводь,
Золотое урчанье пчёл.
Грозной тучи ржаную память
Я по этим полям прочёл.

Но и в зиму, где зори в дрожи
Глухариную алят бровь,
Повторяю: спасибо, Боже,
За дарованную любовь.

* * *

Вздрагнет берёзы осенняя люстра
И полетят медяки на траву.
Белые грузди, чёрные грузди
Неторопливо под елями рву.

Белые грузди. Чёрные грузди.
Что ж это грусти — через края?

Где-то высоко небесною Русью
Мамочка, мама проходит моя.

То пожурит меня дождиком синим,
То приголубит певучей волной,
Выйдет лучами над полем озимым,
Светом незримым взойдёт надо мной.

Плавно река устремляется к устью,
И уплывают дрёмой веков
Белые грузди, чёрные грузди
Грустных, осенних, сырых облаков.

* * *

Оглянешься — пол жизни пройдено,
Но светят детства маяки:
Тысячеглазая смородина
И ежевика у реки.

Я не похож на неудачника,
Хоть не нажил золотых камней.
Мне гладит щеку мать-и-мачеха
Ладонью нежною своей.

И я люблю вас, подорожники,
И вас, холмы, и синий пруд.
Мне только страшно, что безбожники
И вас, как души, продадут.

Ещё мне светит Русь над рощею
И кружат мысли облака,

Ещё я чую в травах скошенных
Дыханье пчёл и молока.

Я знаю рай. Зарёю утренней,
Зарёй вечерней — в краснотал,
Дорогой, думами окутанной,
И ты, возможно, здесь бывал.

* * *

Обмелело небо понемножку.
Облиняли ситцы васильков.
Сыплет дед скуластую картошку
В мешковину серых облаков.

Всё проходит в мире. Жаль, конечно.
Слишком мы привыкли на земле
К тёплым, отуманенным и нежным
Сумеркам у рощи на крыле.

Слишком мы с тобою прикипели
Ко всему, чего не уберечь.
Вот уже и листья улетели,
Чтоб на землю пламенем прилечь.

И когда просторы заохлодит,
Прошепчу я в сомкнутую высь:
Всё проходит в мире, — мир проходит! —
Словно песня, молодость и жизнь.

* * *

Я старомоден, как двадцатый век,
И не люблю компьютеров и клипов,
Но радуюсь, когда мерцает снег,
И синева оттаивает в липах.

Зима-гулёна шубу распахнёт,
Продышит солнце луговую кочку
И потечёт по крышам первый мёд,
И выйдет поле примерять сорочку.

А я и рад, уставший человек,
Что нету ни звонков, ни интернета,
Что мне в окно, слегка замедлив бег,
Сирень бросает росные букеты.

Волна качнёт упавшую сосну,
Её омоет нежно и заплачет.
Я до утра, наверно, не усну,
Такое видеть что-нибудь да значит.

И не хочу иного на веку:
Кружил бы лист рассветную поляну,
Где шмель усердно молится цветку
И соловьи пьянеют от тумана.

* * *

Скучаю по зимней деревне,
Где скрипом ложатся следы,
И где молодые деревья,
Как старые, так же седы.

Мне слышится скрипка метели
И голос печного огня.
Мне так города надоели,
Что в городе нету меня.

И радостно сердцу услышать
В канун воробьиных утех,
Как в холод вонзаются лыжи
И падает тетерев в снег.

Оглянешься — лето по кружке
Стучит дождевою водой.
И тлеет берёзовой стружкой
Над лугом туман молодой.

Зачем же за скриплою дверью
Всё кличет меня соловей?
Зачем же так радостно верю
Мечтаниям жизни своей?

Всё призрачно: слава, удача.
Неведом начертанный путь.
А вьюга как женщина плачет
И песней ложится на грудь.

* * *

Тучи хвалятся полушубками.
Режет стёкла мороз ледком.
Небо выщвело незабудками —
Молоком пошло, молоком.

Дождались таки, обнялись таки,
Накатила зима стакан.
Это кто там пол речки выстеклил?
Вьётся ветер, от снега пьян.

Семенит у корыта утица.
Я давно не сидел в санях.
И летит мне навстречу улица,
И качается в фонарях.

Мириадами звёзд, порошею
Льётся небо в мою ладонь.
Что-то тёплое и хорошее
Напевает в печи огонь.

Хорошо в избе после замети.
Печке в белый подол уткнуясь.
А в углу с времён незапамятных
Над лампадами светит Русь.

* * *

В краю, где нивы, ивы и крапивы,
Где лопухи сидят, как глухари,
Растёт по небу влажный, молчаливый,
Брусничный мох мороженой зари.

И месяц ржёт, уткнувшись мордой в сено.
Горчит лугов сентябрьский посол.
Сосна сидит — колено на колено,
Отряхивая медный свой камзол.

И в этот час, когда вот-вот прольётся
По рыжим далям синий пар снегов,
Так хочется услышать у колодца
Льняную песнь осенних петухов.

Они взойдут по жёрдочке заката
И прохрипят в седые небеса:
— Нам ничего, нам ничего не надо. —
И запрокинут влажные глаза.

* * *

Зелёная дымка по краю
И звёздная пыль посреди.
Просёлок спустился к сараю,
Сирень прижимая к груди.

Его облака напоили
Живучей небесной водой.

Его соловьихи любили
За синий туман с лебедой.

За то, что сбежал он от шума
В дыханье ромашковых крыл,
За кротость и дальнюю думу
Я тоже его полюбил.

Колёсами взрытый просёлок...
Наверное, выпадет снег.
Под тёмными стенами ёлок
Унылый идёт человек.

Небритый, волосиков ворох,
Похмельный — дела не табак, —
Но, словно вот этот просёлок,
Он тоже кому-нибудь дорог.
О, Господи, было бы так!

* * *

В закатный час я прихожу к берёзам,
И слушаю молитву сентября.
Последняя листва ложится в озимь,
Последним светом мир благодаря.

И бледный месяц плавает сквозь рощу,
И так печально делается вдруг,
Как будто осень дни мои полощет,
Слепое время разметая в пух.

Как будто всё, что было, — стало ветром:
И гулкий сад, и ровная вода,
И все, кого люблю на этом свете,
И молодости чистые года.

Хотя бы горсть тепла моим берёзам!
Хотя бы луч на золотом стогу!
Мы и живём-то, словно что-то просим,
Подобно зимним птицам на снегу.

РАЗГОВОР

Евгению Кочеткову

Паутинка — струйкой молока,
И покой, как матушки рука...

Разводит вечер мяту в стоге сена.
Стрижёт дергач столетнюю траву.
— Живу я здесь, — мне говорит Евгений.
Я отвечаю: — Тоже здесь живу.

— У нас не просто всё, не всё снаружи.
В любом селе — свой ветер, свой мороз.
И потому мне согревает душу
Вот этот хилый выводок берёз.

Не всё так просто, нет, не всё так просто.
Но мне любовью, словно сердцем зрим,
Сосновый поминальный дух погоста
И твёрдый запах синеоких зим.

Лесная Русь... Скиты, пожары, броды,
Старообрядцы и татарский путь.
Такое тут намешано в болотах,
Что поколениям не перешагнуть.

Не всё так просто. Сердце что-то ищет.
Какого рая? Из каких веков? —
Закат поёт. Он петухами вышит
На ситцевых рубахах облаков.

— А только здесь-то и жива природа,
Жива душа для правды и обид.
Не всю любовь отняли у народа.
Живу я здесь, — Евгений говорит.

И выплыли чубатые туманы,
И вынесли лодчонку на простор.
И царственные лунные поляны
Нас уносили за сосновый хор.

И вновь Евгений смотрит через дали:
— Я лето не люблю. Уж больно в нём
Премного ликования, а печали
В России больше. Мы ведь тут живём.

Нам ближе ко двору весна да осень:
То счастья ждём, а то и грусть мила... —
Рогатые деревья, словно лоси,
Ночные разрывают трепела.

Скопа заре бросает рыбы кости.
И луч скользит по глади, как змея.

Евгений говорит: — Не всё так просто. —
Но как желанно, — отвечаю я. —

Умоешься — и рыбой пахнет воздух.
Откроешься — и ты непобедим.
Топляк со дна разглядывает звёзды
И Млечный Путь склоняется над ним. —

И мы плывём. И нет над нами рая,
А он вокруг, а он внутри болит.
Дыханьем сосен лето догорает,
И сердце, словно угли, шевелит.

ПОТОП

Трещали молнии.
И туча —
Оборвалась.
И рухнул креп!
И весь простор в воде кипучей,
Захлёбываясь, хрип и слеп.

Метались яблони по саду
И, обезумев от громов,
Ломились кронами в ограду
И бились около домов.

И небо кованые гвозди
Тугой и яростной воды
Неотвратимо и со злостью
Вонзало в травы и сады.

Крестясь испуганно, рябины
Рыдали в грохоте и мгле.
И больше не было равнины,
И плыли воды по земле.

И погружались горы в кому,
Тонули страны и века,
Оставив миру молодому
Лишь только даль и облака.

Лишь облака и даль — так просто,
Так вольно сердцу и глазам
Слагать любимой песнь о звёздах
И править путь по небесам.

КОВЧЕГ

В обнимку с росами проснулось
Моё зелёное село,
Под мачтой липы покачнулось
И поплыло, и поплыло

По клеверам, за синий ельник,
Ещё не скошенным лужком,
Где молодой туман, как мельник,
С дырявым тащится мешком.

Вези меня, ковчег мой милый!
Там песни кровны и горьки,
И беды лютые на вилы
Не раз вздевали мужики.

Потянет дым сосновой смолкой,
И выйдет пахарь из ветров,
И заглядится далью долгой
В крови рябин и клеверов.

Здесь пахнет пашней и цветами,
Ржаной пыльцой из-под стрехи,
И бражный дождичек сетями
Русалок тащит в лопухи.

Здесь вечен дух грозы и глади,
Здесь вечен вздох дорог и дол.
Здесь Русь в берёзовом окладе
И души всех, кто тут прошёл.

Вези меня, село родное!
Забор — гармонию набекрень.
Над полем ржание ржаное
Рассыпал окрылённый день.

И вот ковчег мой понемногу
Плывёт, лучится... Скрип ворот...
Выходит стадо на дорогу
И млечной улицей бредёт.

* * *

Дядя Лёша овец выпасает.
Из-под кепки травинка свисает,
И глаза васильками цветут,
И гадюкой шевелится кнут.

И ползут муравьи по берёзе,
По бумажной коре молодой,
Ходят травы хмельны и раскосы,
Моложавые светятся плёсы,
И срываются ветры с откоса,
И целуются с синей водой.

Дядя Леша из крынки щербатой,
Осторожно хлебнув молока,
Выправляет косу у ограды
И идёт раздвигать облака.

И нечаянно падает крынка,
И ложатся порядья сенца.
У плетня молодую осинку
Обглодала слепая овца.

И ползут муравьи по берёзе,
По бумажной коре молодой,
И шуршат голубые стрекозы,
И хохочет колодец водой.

Вот моё золотое наследство:
Отгремевший сиренями сад,
И бесстрашное, нежное детство,
И в малине пчелиный парад.

Не найти к отзвеневшему броды.
И на пне, как круги на воде,
Разойдутся минувшие годы
И улягутся спать в лебеде.

Но пребудет, как праздничный пряник,
Навсегда с моей вечной душой
Дядя Лёша, овечий охранник,
И берёза, что стала большой.

* * *

Мы — репейники, чертополохи,
Васильков полевые огни.
Мы — последние дети эпохи
На развалинах бывшей страны.

А ведь было и детство счастливым,
И рассветная юность — в глаза.
Нас ласкали поречные ивы,
Угощали малиной леса.

Костровые мечтания пели
О ромашках в дорожной пыли.
И за радостью не разглядели,
Как страну из-под ног увели.

Потеряли и голос, и время.
И, дорогою русской пыля,
Инородцы — крапивное семя —
Заселяют родные поля.

Вот стоим у большой переправы,
Где страдания, порох и кровь,
Мы — последние дети державы,
Сохранившие только любовь.

ТРОЙКА

Этот лес гривастый — коренник,
Эти луг и поле — пристяжные
На вожжах реки летит мужик
И селенья тянутся кривые.

То в санях, а-то на колесе
Мы летим — такое не приснится —
Где росой в серебряном овсе
Молодая кормится Жар-птица.

Рыщут стрелы, стонут соловьи,
На стене рыдает Ярославна,
Травы дозревают на крови —
Вот как жить нам горестно и славно!

То Емеля запрягает печь,
То русалки плещутся у плёса.
У костров родная пахнет речь
Чёрным потом, репою и просом.

Мы летим из выжженных веков,
Где на чёрных копьях бездыханно
Жемчуга поречных облаков
Падают под ноги Бату-хана.

Эй, возница, шевели кнутом,
Вздёрни поострей вожжою пьяной!
Это ли не Русь моя китом
Проплывает,
островом Буяном?

Грозный царь ковшом из Волги пьёт.
Рубит Пётр струги на пригорке.
Но, как прежде, задом наперёд
Наш Иван-царевич мчит на волке.

Заждалась невеста, заждалась.
Кто спасёт от чудищ и Кощея?
Тройка мчит, разбрызгивая грязь.
Ах, Россия милая, Рассея!

Спящая царевна... Под крылом
Перелесков, ливней и калины —
Где же ты? Уже ли за холмом
Под охраной песни журавлиной?

Далеко помчимся, далеко.
Ни к кому тебя не заревную.
Тёплых щёк льняное молоко
Чувствую губами.

И целую.

СОДЕРЖАНИЕ

Павел Косяков. Потерянное поколение 3

Михаил АНИЩЕНКО

Первый снег	10
Сентябрь	11
«Я устал от тоски. Я не сплю...»	12
Не за то... ..	12
Пропасьть	13
В поезде	14
«Уйти от позднего веселья...»	14
«В час, когда светится солнышко...»	15
Элегия	16
Гоголь	17
Русь отражённая	18
«Люби меня — в мороз, в жару...»	19
«Мы Русь ругаем по привычке...»	19
Половодье	20
Оберег	20
Шинель	22
Прощевай	23
Капитан	24
Родине	25
Домой	26
«Концы с концами не сведу...»	27
Пускай!.....	27
«Смотри, как светятся дороги...»	28

Владислав АРТЁМОВ

«Никак эти дни уходить не хотят...»	31
Ночные птицы	32
Серая кукушка	33
Лесной ручей	34
Август	35

Цветы	36
Ангел мой	37
Дорога	38
Невеста	39
Баллада о капитане	40
В провинциальном ресторане	42
Сторож и вихорь	42
Николка	43
Слова	44
Мои стихи	45

Евгений АРТЮХОВ

«Укроет ночь усталую природу...»	47
«Приехал брат мой из села...»	48
«И муравей — мой современник...»	48
«Мороз трещал...»	49
На воздушном корабле	50
Осень	52
Сеновал	53
Скоро утро	54
Сестре	55
«Помню — каждый день, как именины...»	55
«Здесь без тебя останется твоё...»	56
«Обживаешь возраста пространства...»	57
Доля	57
Шиповник	58
«Как рано лето обесилело...»	58
«Когда сбывается во сне...»	60
«Помыкался по свету...»	60
«И я был в юности бессмертен...»	61
«Я в ладони тёплые зарююсь...»	61

Николай ДМИТРИЕВ

«Пиши о главном», — говорят...»	63
«Холодают ночи, холодают...»	64

«Парк насажен, лифт налажен...»	65
«В пятидесятых рождены...»	65
«Перевозчик, мальчик древний...»	66
«Вдруг ослепит на повороте...»	67
Из письма в институт	68
«Чумаза, обтрёпана и весела...»	68
«В крупноблочном этаж уместил полдеревни...»	69
«Не отпустили за границу...»	70
47 руб. 45 коп.	71
«Сейчас наступит темнота...»	71
Разлука	72
«Поразившая картина...»	73
Горбун	73
Грибы	75
Первый снег	76
На сеновале	77
Полустанок	77
«Качну на родину качели...»	78
«Мне было всё дано Творцом...»	79
«Осталось уж не так и много...»	80
«Где женщина? И где друзья?..»	80
Так мне и надо	81
На вокзале	82

Юрий ЗАФЕСОВ

Снег	85
«В сквозящем за полночь листе...»	86
«Давай, покуда ночь тиха...»	86
«Влетят клювастые, усядутся за стол...»	87
«В кромешной темени светла...»	88
«Уходят женщины, корыстны...»	88
«Свет печи. Керосиновый свет...»	89
«В Бодайбо открывают окно...»	90
«Когда мне станет свет не мил...»	90
«Пурга звенит, как саранча...»	91

«Душа! Ты стала барышом...»	92
Белый ворон	92
«Прости меня, птица!...»	94
Добрый малый	95
Стансы	96
«Происходившее давно...»	98

Николай ЗИНОВЬЕВ

«Я в нашей комнатке прохладной...»	101
«Меня учили: «Люди — братья...»	102
«Любил я в это время суток...»	102
Крестьянин	103
Легенда	104
«Травы пахнут так сладко...»	104
«Я люблю эти старые хаты...»	105
«Я помню всех по именам...»	105
Старая вдова	106
В храме	106
Великая жажда	107
«Как ликует за граница...»	107
«Я бьюсь над смыслом бытия...»	108
«В степи, покрытой пылью брэнной...»	108
Заброшенное подворье	109
«Солнце встало. Как и надо...»	109
Два берега	110
Единственный хутор	110
«Как солнце зимнее огромно!...»	111
В пивной	111
Бессмертие	112
К России	112
Россия	113
Цыганочка с выходом	113
«Первые седины в волосах...»	114
«Горели высокие свечи...»	114
«Жизнь настолько могуча, сынок...»	115

Рябиновая роща на обрыве	115
В степи	116
Видение у Могилы Неизвестного солдата	116
«Вослед прошедшей нищенке любой...»	117
Окно в Европу	117
«Целый день, как крест несущий...»	117
Мужичок	118
«Не сатана ли сам уже...»	118
«Весна ещё весной осталась...»	118
Поэт	119
«Проснусь — и думаю о Боге...»	119

Павел КОСЯКОВ

Две женщины	121
Русская вдова	122
Покаяние	122
Черноситово	123
Высокий свет	124
Победитель	125
Полустанки	126
«В России память девичья...»	127
Путные огни	127
«Крылата Русь! Куда ни глянь...»	128
«Будут ночью ставни хлопнуть...»	129
«Это неправильно, скверно и худо...»	129
«Поздняя осень. Рябина горстями...»	130
«Я видел — бабочка крылами билась...»	130
Необходимая	131
Родине	132
«Ходили б тропочкой одной...»	133
«После стопочки анисовой...»	133
Благода	135
Из детства	135
Поздняя весна	136
«Вы спросите, как я живу...»	137

«Оставлю заумные книжки...»	137
«В хорошую пору, в хороший денёк...»	139
«Гляжу со всеми смыслами...»	139
«Ты кривишь губы, снова уходя...»	141
Вечер у реки	142
«Как неба сколок опалён!...»	143

Виктор КИРЮШИН

«Позже темнеет и раньше светает...»	145
«Задыхаюсь от косноязычья...»	145
«Ночью проснулся от крика...»	146
«Остановлюсь и лягу у куста...»	147
Дом	148
Оттепель	149
«И дым черёмух у крыльца...»	150
Предзимье	151
«Полуоткрыты оконные створки...»	151
«У края, у межи...»	152
Прощание	153
Старухи	154
«Лес обгорелый, десяток избёнок...»	155
«Тропа с холма сбегает вниз полого...»	156
«Вот за этой стеною...»	157

Геннадий ОСТРОВСКИЙ

«Поля и холмы исходив и излазив...»	162
Ворскла. 12 ноября	163
«Я умер. Я был этой жизнью убитый...»	164
«Что делать, брат? Молчат поля...»	164
Ночной ветер	165
Утро	166
«...И таял свет в лесном провале...»	166
«День высокий, побудь со мной...»	167
«Не для того ль весна пришла...»	168
«И даже через сотню лет...»	168

Из прошлого	169
Ветер	170
Афанасий Фет	171
«Ах, как мне хочется обнять...»	171
Другу-поэту	172
Путь	172
Предчувствие	173
«Я вас люблю, мои леса...»	173
На холме	174
Когда ты вспомнишь	175
«Я не люблю стихов колючих...»	176
«Шорох листьев опавших в рассветном лесу...»	176

Валерий САМАРИН

«Да, есть любовь, и я её не скрою...»	178
«Продрогла вся моя изба...»	179
Счастье	180
Печальное	181
«А нам с тобой...»	181
«Мир животворный, животворный свет!...»	182
Воробей	183
«Есть утра чистое мгновенье...»	183
Дрова	185
Лесник	185
Изба	186
«Я дал отдушину реке...»	187
«На Руси настроенье не то...»	188
Чищу печь	189
Старый сад	190
Гроза	191
«Зажёг костёр в ночи — и вот...»	193

Евгений СЕМИЧЕВ

«Дождик не просто траву поливает...»	196
Крестный ход	196

Праздник	198
Пасха	199
Сон	200
«Последние осенние денёчки...»	201
«Плакал прошлогодний снег...»	201
«Лунного света дорожка...»	202
Сказ	203
«Я построил дом на своих костях...»	204
Поэт	205
«Оглянусь на промозглом ветру...»	206
Как ты хотела	207
«У осени глаза на мокром месте...»	208
«Прощайте, друзья! Расставаться пора...»	209
Плащ	210
«Собаке снится речка, не иначе...»	211
«Не знает странствующий снег...»	211
Топорик	212
Кирпич	213
«Сосед уехал на войну...»	214
Загад	215
Край	216
«Один на тёмном берегу...»	217

Евгений ЮШИН

«Огневица прошла по лесам и болотам Мещёры...»	220
«Я родился, как всякий русский...»	221
«Вздрыгнет берёзы осенняя люстра...»	223
«Оглянешься — пол жизни пройдено...»	224
«Обмелело небо понемножку...»	225
«Я старомоден, как двадцатый век...»	226
«Скучаю по зимней деревне...»	227
«Тучи хвалятся полшубками...»	228
«В краю, где нивы, ивы и крапивы...»	229
«Зелёная дымка по краю...»	229
«В закатный час я прихожу к берёзам...»	230

Разговор	231
Потоп	233
Ковчег	234
«Дяд Лёша овец выпасает...»	235
«Мы — репейники, чертополохи...»	237
Тройка	238

Некоммерческое литературно-художественное издание

В ПЯТИДЕСЯТЫХ РОЖДЕНЫ...
Лирическая поэзия современной России

Редактор-составитель
П.И. Косяков

Компьютерная вёрстка
В.В. Крамаренко

Издатель
В.Н. Рахманов

Издательская лицензия ЛР № 071855 от 30.04.99 г.
Подписано в печать 20.01.2011 г.
Формат 60х90/16 Печать офсетная
Усл. печ. л. 15. Тираж 250 экз.
Москва, 111024, ул. Авиамоторная, 49/1.
ООО «Красносельское агентство «Союзпечать»
издательство «НОВЫЙ КЛЮЧ»
Тел.: (495) 549-37-26, (495) 329-22-69
E-mail: new_key@list.ru